

Леянова З. С.

ЗЕЛЁНАЯ РАДУГА

Череповец
2014

Мама!

Сентябрь 1969 года. Мои первые дни во Владивостоке, куда я приехала по распределению, окончив Ленинградскую лесотехническую академию. Жила пока ещё в гостинице «Приморье», недалеко от железнодорожного и морского вокзалов.

Мне уже рассказали, что есть пассажирский пароход «Советский Союз», самый большой на Дальнем Востоке; что узнать его можно по необычной трубе и укороченной (по сравнению с носом) корме; что, возможно, скоро он придёт с Сахалина. Вот бы увидеть!

Однажды, прекрасным утром, спешила из гостиницы на работу, но глянула в сторону морвокзала. А за ним высится какая-то чудная труба. Неужто «Советский Союз»? Я – туда! Точно, он! Швартуется, громадина. Встречающих на причале – море! А на палубах парохода сотни студентов (вернулись с Шикотана, там у них практика была). Слышатся радостные приветствия с обеих сторон: кто во что горазд! И вдруг, словно сговорившись, студенты начали скандировать:

- Ма-ма! Ма-ма! Ма-ма!..

Дети вернулись домой.

Палатка в огороде

Во Владивостоке я несколько лет жила в общежитии. И почти каждый выходной мы с друзьями уезжали за город, спешили увидеть красоты Приморья.

С понедельника жили ожиданием пятницы, подготовкой к новому походу, обсуждали маршрут, составляли список необходимого, покупали продукты, распределяли, кто что понесёт.

Однажды мы решили побывать в бухте Сидими, но в пятницу оказались свободными только я и Валюха Молчанова, а остальные пообещали приехать к нам в субботу вечером.

Двоём уходить в поход – дело довольно сложное, так как поклажи больше: помимо личных вещей и продуктов на двоих нам предстояло взять и общий груз (палатку, котелки, одеяла). Так что свои рюкзаки мы еле-еле подняли. Со смехом кряхтели до трамвая, потом – до катера, на котором плыли часа три. Уже в сумерках сошли на берег Сидими. Решили, что переночуем у причала, а утром отправимся к нашему любимому месту, где назначена встреча с друзьями.

Но на берегу к нам начал приставать пьяница. Пошли подальше от пьяницы и повстречали солдат, которых тоже испугались. М-да, две девчонки с рюкзаками, дело к ночи, куда деться? Я вспомнила, что километрах в двух-трёх от посёлка была ферма с пятнистыми оленями, а рядом с ней стоял жилой дом. Ну, что ж, далековато, конечно, зато, наверное, ночлег поспокойнее будет...

В Приморье темнеет очень быстро. В кромешной тьме, с тяжеленными рюкзаками, мы долго плелись по дороге. Наконец, послышался лай собаки. Ну, стало быть, где-то здесь и «наш» дом. Мы принялись ощупывать место под палатку, а собака всё заливалась. И вдруг её хозяин как крикнет в темноту:

- Хватит лаять! – и выстрелил из ружья.

Собака сразу стихла.

Мы ужаснулись:

- Из-за нас собаку убил!

Где стояли, там и палатку кое-как прилепили к дереву и, расстроенные, забрались в неё.

Ночью снова раздался лай.

Мы обрадовались:

- Не убил собаку! В нас стрелял!

Утром проснулась я под пение иволги. До чего же хороша её песня! На саму бы певунью посмотреть! Выглянула на улицу и глазам не поверила: наша палатка стоит посреди огорода! Уж не до иволги! Разбудила Валюху. Уходить отсюда надо поскорее, пока хозяин не проснулся. А нас смех разбирает. К тому же от вчерашней ноши мышцы так разболелись, что без разминки нам в путь не двинуться. Мы разминаемся, а по дороге идут мальчишки и, показывая на нас, возмущаются:

- Во, дуры! Поставили в огороде палатку, да ещё и зарядку делают!

Собрав пожитки, мы *через калитку* вышли на дорогу. Как же ночью-то мы не запнулись за изгородь или хотя бы за грядку?

Орангутан

Над своей кроватью в общежитии я повесила портрет Хемингуэя.

- Кто это? – спрашивали гости.

- Мой дедушка, – в шутку отвечала я.

Невероятно, но люди верили этому! Находили сходство между нами! Восхищались моим почтительным отношением к памяти дедушки!

Но однажды розыгрыш не прошёл.

- Нет, это не твой дед, – возразила Галка Жук, рассматривая благородное лицо писателя, – я знаю, кто это.

Мы с девочками из нашей комнаты уважительно посмотрели на Галку, ожидая, что она скажет дальше. И услышали:

- Это орангутан.

Наш хохот и бурные аплодисменты заставили Галку опомниться.

- Я хотела сказать Хемингуэй! – твердила она, поразившись своей оговорке.

Но, что сказано, то сказано!

Слон

Приехал во Владивосток зверинец. От жары звери прятались в тенистых уголках своих клеток, а бедному слону укрыться было негде: он стоял на открытой площадке, огороженной низким заборчиком, вокруг которого толпился народ. Люди протягивали слону угощение: булку, конфеты, яблоки, помидоры. Слон выбирал, что повкуснее, благодарил, покачивая головой или приподнимая ногу. Спасаясь от жары, иногда обсыпал себя из хобота песком.

Пришёл человек со шлангом и начал лить воду на клетки. Дошла очередь до слона. Служитель обливал его сверху, снизу, а потом подставил шланг ко рту животного. Неожиданно с другого конца из слона хлынул мощный розовый поток!

Мальчик лет семи как закричит:

- Во даёт! Пьёт и ссыт!

Служитель отнял шланг от слоньего рта, и струя (с противоположной стороны) мгновенно иссякла.

Слон опять потянулся к зрителям за угощением и получил целый батон.

Тот же мальчик в восторге и с надеждой воскликнул:

- А сейчас срать будет?!

Ай да мальчик, ай да комментатор!

Мужчина, миленький, не уходи!

Как-то на острове Попова мы лазали на скалы. Одна, узкая, острая, казалась неприступной. Но забраться на неё было не сложно. И потому на соседнюю скалу, ростом повыше, но какую-то широкую, мы дружно полезли все вместе. Полюбовались сверху панорамой острова, синим морем и начали по одному спускаться. Надо заметить, что спускаться обычно труднее, чем подниматься. И вот когда на вершине остались только двое, Нина Бубнова и Паша, на Нину вдруг напал такой страх, что она напрочь забыла, как зовут её давнишнего приятеля, и только твердила в отчаянии:

- Мужчина, миленький, не уходи!

Мы смотрели снизу на их медленный и какой-то странный спуск и не понимали, в чём дело.

«Вернувшись на землю», Нина сама поведала о только что пережитом. Паша деликатно молчал.

Скалу эту с тех пор так и прозвали – «Мужчина, миленький, не уходи!»

Змеиный супчик

Ходили мы как-то на Полосатые скалы (это по другую сторону Уссурийского залива). Идём, под ноги не смотрим, всё больше по сторонам с восторгом озираемся, природой любуемся. А самым последним идёт Саша и собирает за нами... змей! Да-да, тех змей, которых мы едва не растоптали! Когда он показал нам, полоротым, что творится у нас под ногами, мы обратили свои взоры на тропу, вооружились палками и не смели шага сделать прежде, чем всё вокруг палкой не обшарим. Кое-как добрались до места, встали лагерем, а там, развеселившись, опять беспечно слились с природой.

Я осторожно начала выпытывать у Саши, что это за змеи были. Оказалось, щитомордники, самые ядовитые в Приморье (так сказал Саша, чтобы, наверное, побольше напугать меня). А можно ли их есть? Саша предложил попробовать. Я уговорила его поймать одного щитомордника и подготовить для кулинарной обработки.

Когда освежёванного гада, почти полуметрового, принесли к костру, чтобы изжарить, дежурный повар воспротивился, заявив, что не позволит осквернять сковороду! С большим трудом выпросили сковородку и змею поджарили. Хоть и жутко было видеть, как каждый змеиный кусочек шевелился, а кончик хвоста аж «встал» и «побежал» по раскалённому металлу, но любопытства у нас оказалось больше, чем страха или жалости, и мы с трепетом отведали жареной «дичи». А что? Вкусно! И очень напоминает курятину! Поскольку нас у

костра в этот момент было всего человека четыре, решили никому больше не рассказывать об эксперименте.

А я опять приставала к Саше: давай, дескать, на ужин приготовим для всей компании суп из змей. Саша согласился, но поставил условие:

- Ладно, я наловлю. А чистить ты будешь сама!

И вот после полудня отвёл меня Саша подальше от лагеря к морю и оставил наедине с пятью обезглавленными щитомордниками. Что с ними делать, ведь я в жизни змей в руки не брала! А они извиваются! Мне чудится, что все ко мне подползают, вот-вот нападут! Схватила первую попавшуюся под руку змею, ощутила её прохладную кожу, которая чулком скользила по узкому телу, да как заору! Дикий крик рвался из меня помимо моей воли. Счастье, что лагерь был далеко, и прибой заглушал мои вопли!

Без шкуры змеи оказались мясистыми и очень жирными. Попались и беременные; в животе у них были большие прозрачные яйца, в которых находились змеёныши с огромными глазами и раскрытой пастью. Я швыряла яйца в море и просила у Бога прощения за своё злодейство. Но взялась за гуж, так уж готовь на ужин змеиный супчик.

За ужином объявили, что будет «условная уха из условной рыбы». Народ напрягся от любопытства. Когда кто-то, осторожно попробовав первую ложку «ухи», сообщил, что похоже на курицу, мои посвящённые сообщники тут же подхватили версию:

- А это уха из морской курицы!

Смотрю, ребята начали есть. Догадаются или

нет, чем угощаю? И зачем я не выбросила кончики хвостов? На самых кончиках хвостов кожа осталась; мне бы, дура, выбросить их, так нет, «для навара» бухнула в ведро с супом!

И вдруг почувствовала у себя на языке этот самый кончик с кожей. Фу!!! Ощущение, скажу вам, мерзкое. Я скорее выплюнула злосчастный хвостик в руку и незаметно кинула в траву. Но ведь ещё четыре хвоста кому-то попадутся! Что-то будет?

При свете луны трудно было разглядеть выражения на лицах товарищей, а разговор «за столом», вопреки обычаю, почти не велось. Все сосредоточенно расправлялись с экзотическим ужином и как-то быстренько разбрелись по палаткам.

Ночью мне не спалось, всё казалось, будто щитомордники у меня в животе ползают. А выйти из палатки тоже было страшно, ведь Саша рассказал, что змеи ведут ночной образ жизни. Чудилось, что рядом с палаткой полно змей, что сейчас они заползут к нам в спальники.

Когда рассвело, я решила выбраться на волю. В лагере тишина. Спят? Да живы ли?! Вот когда мне стало по-настоящему страшно. Как же я отважилась накормить людей такой похлёбкой? А вдруг отравится кто-нибудь!

Побежала в «столовую». Несколько мисок было опрокинуто, рядом валялась нетронутая «курятина». Стало быть, кто-то догадался, но промолчал, чтобы не испортить аппетит товарищам.

Еле дождалась, пока народ начнёт просыпаться. Считала, кто выходит из палаток.

Слава Богу, все!

Ребята окружили меня и устроили допрос про вчерашнюю «морскую курицу». Когда я им призналась, реакция у людей была очень разной: кто сходу в кусты побежал, у кого глаза по площадке сделались, некоторые откровенно не верили, но один всё же пришёл в восторг и сравнивал себя с Иоанном Крестителем, который много лет питался исключительно вяленой саранчой (акридами). Разговоров было только о змеином супчике. Кое-кто обещал никогда мне этого не простить.

Но, конечно, простили! И когда бы мы потом ни встречались, супчик мой вспоминали.

Спящая Красавица

Так называется пещера в Приморье. Находится она на склоне горы Змеиной, у подножья которой протекает река Пейшула.

Летом 1970 года я с экскурсией впервые попала в эту пещеру. Нам рассказывали, будто когда-то, очень давно, пещера служила для местных жителей храмом. Здесь люди поклонялись своеобразной иконе – высеченному в скале лику женщины с младенцем – считавшейся покровительницей деторождения и плодородия.

Постепенно про пещеру забыли...

Однажды лесник с сыном отдыхали на берегу Пейшулы. Пока отец занимался костром и приготовлением обеда, мальчик полез на гору. Неожиданно он обнаружил пещеру и, одолеваемый любопытством, забрался в неё. К отцу он прибежал с криком:

- Папа, папа, там тётя спит!

Лесник поспешил за мальчиком в пещеру. На стене одного из гротов он увидел скульптурное изображение женской головы. Свет фонаря падал на каменное лицо так, что действительно казалось, будто женщина спит.

О находке лесник сообщил спелеологам во Владивосток. Изучением Пейшулинской пещеры занялся специально приглашённый ленинградский профессор А.П. Окладников. По его просьбе на вход в пещеру навесили дверь, запирали её на замок, а ключ хранили у лесника.

Слух о пещере, названной «Спящая Красави-

ца», будоражил приморских туристов. Все мечтали увидеть это чудо. Сначала туристы спрашивали ключ от двери в пещеру, но постепенно дверь просто перестали запирать. Некогда белое лицо Красавицы закоптелось от факелов паломников, а тропа к Змеиной горе не успевала зарастать – столько народа приходило сюда.

Второй раз я побывала в этой пещере в том же году: привела сюда друзей, приехавших ко мне во Владивосток из Шарьи и Москвы в наш первый отпуск.

Почему-то мы решили, что полночь – самое подходящее время для свидания с каменной Красавицей. Чтобы не заблудиться в пещере, мы тянули от самого входа верёвку, а когда моток закончился, принялись оставлять на полу, довольно ровном и сухом, спички – через каждые два-три шага. Перебрались через неглубокую «канаву» и попали в зал с очень высоким сводом. Слева чернел узкий лаз в «Каменный мешок», а в глубине виднелся раздвоенный вход в «Молельню», где и «спала» Красавица.

С трудом, ползком протиснулись через отверстие в «Молельню». Она оказалась чёрной от копоти и до того тесной, что мы не могли представить, как в ней совершались священные обряды. Видимо, в те далёкие времена люди были невысокими, худенькими, ловкими и сильными; они одолевали длинный путь по тайге, забирались на гору, проникали через узкие каменные лазейки в пещеру.

Мы с интересом вглядывались в лицо Спящей

Красавицы. Несомненно, она представительница Востока. Слева, пониже её лица, заметны следы разрушений. Очевидно, здесь была голова младенца.

Выбравшись из «Молельни», мы попали в совершенно незнакомое место. Здесь было удивительно просторно, красиво, даже светло! Стены с причудливыми наплывами уходили ввысь, и лучи наших фонариков не достигали потолка.

Понимая, что кроме «своего» зала, нам попасть вроде бы некуда, принялись искать на полу верёвку и спички. Но их не было! Зато впереди чернело что-то похожее на пропасть. Мы недоумевали, куда нас занесло. Сразу припомнились рассказы о заблудившихся в пещерах, погибших, не сумевших найти выхода. Чтобы избежать подобной участи, мы, двинувшись вперёд, начали класть под ноги спички – уже через каждый шаг. Зойка Соколова приблизилась к «пропасти». Мы заторопились следом, чтобы подстраховать Зойку. А она, без особого труда перебравшись через ров, устремилась дальше, в темноту, и вдруг сообщила:

- А здесь дверь!

Бог ты мой, ещё одна дверь?!

А Зойка продолжала:

- Ой, а я на улице! Вижу звёзды!

Сомнений не оставалось: мы находимся в том же зале, из которого уползали в «Молельню», но не узнали его!

Днём, посмеиваясь друг над другом, мы опять поднялись к пещере. Хотелось ещё раз полюбоваться на Красавицу, а заодно и поискать верёвку. Разумеется, верёвка преспокойненько лежала на

самом виду, и спички – тоже.

Похоже, Спящая Красавица не любит, когда её тревожат по ночам. Вот она и «подшутила» над нами.

Огненная весна

Однажды отправились мы с друзьями за город, чтобы отметить Восьмое марта «на природе». Очень хотелось посидеть у костра. Договорились на дрова собирать только сушняк. А в лесу ещё снегу полно! Попробуй, разберись! Натаскали дров, развели костёр. Я бросила в огонь свои прутики. И неожиданно *на этих прутиках начали набухать почки, почки лопались, из них проклёвывались листочки, листочки увеличивались, росли и обгорали...* Видеть такой «ускоренный фильм о природе» было очень больно, но помочь мы уже ничем не могли и зачарованно глядели на это чудо.

Через год, в тот же день и на том же месте, я попыталась повторить «кино», но ничего не получилось.

До сих пор не знаю, что же это ожило в нашем костре?

На острове Путятина

На праздничные дни в честь Октябрьской социалистической революции Саня Стрельцов пригласил меня и Таню Базанову к себе домой на остров Путятина. Всё на этом острове удивляло и восхищало. На дворе ноябрь, а здесь (второй раз в году!) зацвёл багульник. Саня показал скалы «Слон», «Петух», «Чёртовы ворота». Но самое поразительное зрелище ждало нас наутро.

Саня разбудил нас очень рано, ещё до рассвета, и привёл на берег моря, ничего не объясняя, сказав только:

- Сами увидите.

Мы с Таней, теряясь в догадках, уставились на море.

И вот на горизонте выглянул из воды краешек огненного диска. Тотчас по морю к нашему острову пролегла красная солнечная дорожка, пока ещё узенькая. Солнце медленно поднималось, разгоралось всё ярче, и дорожка постепенно превращалась в широкую алую дорогу. Вот уже весь диск выкатился, но никак не мог оторваться от воды: море *тянулось* следом за солнцем! Фантастика! В какой-то миг между водой и светилом показался просвет. Солнце, словно освободившись от пут, сразу же ускорило движение по небу, заметно уменьшаясь в размере и быстро теряя румянец. Море на горизонте выровнялось. По морскому простору разлился солнечный блеск.

Спасибо, Саня, за твой чудесный остров!

Зелёная радуга

Каждый поход интересен по-своему.

Однажды на Песчаном в жаркий, «с переменной облачностью» день мы услышали шум приближающегося дождя. Шум нарастал так стремительно, что казалось, будто на нас мчится поезд. Прятаться не имело смысла: дождь хлынул буквально стеной! Мы, в купальниках, с

восторгом бегали под тёплыми струями. Ливень так же стремительно и закончился. Снова засияло солнце. И тут мы замерли от неожиданности: на другом конце поляны, почти под деревьями, повисла *зелёная радуга!* Она находилась совсем рядышком, казалось, можно до неё дотронуться и даже перепрыгнуть через неё.

Я предложила Людочке Григорьевой:

- Беги скорее, попрыгай через радугу!

Я видела, что Люда *прыгала через радугу*. А я не успела, – радуга исчезла.

Теперь мы считаем Люду счастливейшим человеком, ведь она прыгала через радугу! Но и мне повезло: я своими глазами всё это видела!

Светочка

Когда я получила во Владивостоке «хату» (на улице Комсомольской, 79, в деревянном доме, с «удобствами во дворе»), моей соседкой оказалась трёхлетняя Светочка. Несколько лет мы прожили под одной крышей. Светочкина мама, Нина Ивановна, видя наши добрые отношения, отпускала дочку со мной и погулять, и в театр. Сколько же я наломала «педагогических дров» с бедной малышкой! Вот один такой случай.

Отправились мы со Светочкой в театр смотреть сказку (уже не помню, какую). По дороге объяснила ребёнку, что так принято – дарить цветы артистам после спектакля. Купили красивый букет, Светочка согласилась вручить его тому, кто ей на сцене больше понравится.

И вот спектакль закончился, публика аплодирует, Светочка бодро поднимается на сцену, отдаёт букет в первые подвернувшиеся руки и, счастливая, поворачивается лицом к зрительному залу. Увидев множество глаз, устремлённых на неё, девчоночка испугалась. Она побледнела, растерялась, забыла, куда надо идти. Я позвала её, но она, похоже, даже не слышала...

Всю дорогу до дома она отходила от потрясения. Дома вроде бы всё прошло, девочка даже изображала сказку «в лицах».

Но когда мы опять собрались в театр, Светочка сама первым делом попросила:

- Только цветов не надо покупать.

А вот другая история.

Дело было солнечным весенним днём. Мы со Светочкой гуляли за городом, в национальном парке. На берёзах ещё только-только проклюнулись листочки, и нам казалось, будто это зелёные веснушки на деревьях. Радостно щебетали птицы. Нам хотелось получше их рассмотреть, и мы переходили от одного дерева к другому. Вот так мы очутились на большой поляне, где прямо на траве стояли клетки со зверями: медведями, зайцами, рысью, были там и какие-то очень крупные птицы.

Самыми весёлыми казались медведи. Они то шумно играли подвешенными на цепях колёсами, то просовывали меж прутьев лапу и, мотая головой, выпрашивали угощение. Немногочисленные посетители парка бросали им в клетку печенье или конфету. Медведи раскланивались в знак благодарности и опять принимались кланяться. Мы со Светочкой держались от них, словно от

греха, подальше и уже направились домой, как вдруг у нас за спиной раздался отчаянный крик. Оглянулись, да так и обмерли!..

С налившимися кровью глазами медведь вцепился когтями в голову девушки и начал сдирать скальп. Длинные каштановые волосы несчастной намотались на лапу медведя. Парень, спасая подругу, пытался пригнуть её голову, чтобы вырвать из страшных когтей.

Наверное, эти парень и девушка хотели угостить мишку. Но то ли их гостинец не понравился Топтыгину, то ли девушка слишком близко подошла к клетке, только зверь вдруг буквально озверел.

Этот кошмар длился несколько секунд.

Разъярённый медведь буянил в клетке, не в силах дотянуться до окровавленной девушки, которую парень уже уводил от опасного места. Молодые люди уходили с хохотом, но это был жуткий, нервный смех.

Светочка всё это видела. Я опасалась, что теперь она станет зверей бояться, и, как могла, отвлекала её, так сказать, «заговаривала зубы», а дома обо всём поведала Нине Ивановне.

Кстати, о зубах. Однажды Нина Ивановна попросила меня сводить Светочку к зубному врачу.

В поликлинике мы немного подождали у кабинета. Вскоре медсестра вывела оттуда плачущего мальчугана, а мою Светочку взяла за руку и увела к дантисту. Мальчик, плача навзрыд, уткнулся в свою маму, а мама обняла его, стала тихонько что-то ласковое говорить, слегка покачивая сына. Вскоре малыш затих, и пошли они с мамой домой. А я с тревогой ждала, когда Светочка выйдет. А что если она будет плакать, как я её успокою?

Дождалась. Выводят зарёванную Светочку. И она вдруг, точно так же, как тот мальчик, утыкается в меня и громко плачет, а я, совершенно неожиданно для себя, вдруг точно так же, как та мама, обняла Светочку и, слегка покачивая, начала негромко говорить ей что-то ободряющее.

На улице, чтобы Светочка не открывала рот и поменьше думала о вырванном зубе и страданиях, с ним связанных, я решила нажать на девчушку психологически и не придумала ничего более умно-

го, чем прочитать «Песнь о собаке» Сергея Есенина. Старалась, читала с выражением, на какое только была способна. На всякий случай ещё и своими словами пересказала стихотворение, разъясняя непонятные слова.

Дома я передала Нине Ивановне её молчащую дочь и ушла в свою комнату. Через какое-то время слышу взволнованный голос Нины Ивановны:

- Тётя Зина! Тётя Зина!

Выскакиваю на кухню и вижу, что моя маленькая соседка, уткнувшись в мамины колени, горько плачет, приговаривая:

- И глаза собачки покатались в снег золотыми звёздами!

Да уж, точно, Светочка о своём зубе позабыла!..

Как-то гуляли по Ленинской. Приближался полдень. Мы отыскивали глазами пушку на Тигровой сопке и стали ждать, когда из орудия бабахнут. Ровно в двенадцать часов увидели, как из дула пушки вырвался сизый дымок, и только через какое-то время услышали грохот выстрела. Светочка удивилась такому отставанию. Пришлось рассказывать про грозу, объяснять про скорость звука, хоть и показалось, что Светуле это не больно интересно...

Светочка (разглядывает журнал «Юный натуралист»): «Вот найду гадюк да побоюсь их».

Светочка: «Как дам между носа!»

Шарик улетел

Лето. Мы с мужем идём мимо рынка. Вдруг Серёжа говорит:

- Лошадь...

Смотрю на дорогу – одни машины!

А Сережа продолжает:

- ...летит!

Высоко над нами пролетает воздушный шар, точнее – воздушная лошадь.

И только лошади летают вдохновенно...

Когда-то наши дочки смеялись над этими словами из детской песни, а сейчас мы, родители, с улыбкой повторяем фантастическую строчку, поглядывая на улетающую в небо лошадь.

Обходя народ, толпящийся у прилавков, неожиданно замечаем грустную парочку: плачет девочка, не удержавшая шарик-лошадку, а мама её утешает.

Ну, совсем как в другой песенке:

Девочка плачет:

Шарик улетел!

Её утешают,

А шарик летит...

Вот и эта песенка, выходит, очень даже жизненная.

Сладкие сосульки

В один из последних дней зимы гуляли мы с нашими детьми по Ломоносовскому парку и обратили внимание на необычное зрелище: на клёнах (только на клёнах!) висели сосульки.

Поразмыслив, догадались, что виновницей происшествия оказалась погода. Неожиданное, несвоевременное, сильное потепление пробудило в клёнах сокодвижение. Кленовый сок даже

начал капать с веток. А когда снова ударил мороз, движение сока в деревьях остановилось не сразу; сок продолжал вытекать наружу и, замерзая, превращался в сосульки.

Я смотрела на эти деревья и вспоминала, как однажды в Приморье мне довелось попробовать кленовый сок. Какой же он оказался сладкий (по сравнению с берёзовым соком)! Наверняка и сосульки, свисавшие с клёнов, должны быть сладкими. Предложила дочкам попробовать «лесное мороженое».

- Правда, сладко! - убедились мои малышки. – А как ты об этом узнала?

И я рассказала им про то, как сама когда-то отведала удивительное приморское угощение.

Кельты, Нюся Петелькина и другие

Как-то приехала я по делам в Москву. Созвонилась с Наташей Бондаренко, подругой со студенческой поры. Наташа пригласила к себе на дачу, в Ашукино. Радость встречи, воспоминания, вопросы-расспросы. Разговор о детях. Интересуюсь её Гришей. Он учится за границей, в Англии, увлечён кельтами.

Вспоминаю школьную историю: вроде это галлы, которые занимали весь северо-запад Европы тысячи три лет назад, с ними ещё Цезарь воевал?

Спрашиваю:

- А кто такие английские кельты?

Подруга моя посмотрела на меня, как на Нюсю Петелькину (так мы величали чересчур робких и бестолковых студенток), и «объяснила»:

- Это сказочные гномики.

Да, Наташечка, узнаю тебя, насмешницу!

Помню, лет сорок назад, когда появилась песня «Нежность», мне она сразу очень понравилась. Правда, одно место в ней было непонятно: про какую-то Дзюпери, которая к тому же ещё и летала! И я, дремучая дивчина из Вологодской области, ещё не слышавшая об Антуане де Сент-Экзюпери и не читавшая его книг, пела, как слышала: «И пока летала Дзюпери».

Начитанная Наташка, слушая мою «интерпретацию», улыбалась молча и не поправляла меня...

У нас в общежитии парень с лесохозяйственного факультета чуть не изнасиловал нашу однокурсницу. Мы, девчата, решили отомстить за подругу. Мальчишкам ничего не сказали, чтобы обошлось без серьёзной драки – за это их могли бы из академии выгнать.

Разработали план мести:

- одна из наших девочек, знакомая этого парня, назначает ему поздно вечером свидание на нашем этаже «у себя в комнате», написав «честное» провокационное письмо: «... приходи, если девчонок не боишься ...»;

- другие девчата, вооружившись метёлками, верёвками, прячутся в тёмном конце коридора и поджидают «озабоченного»;

- когда он появится в коридоре и свернёт в сторону нужной комнаты, двое из нас набросят ему на голову одеяло, а остальные нападут и измолотят.

Приготовились, сгрудились в темноте около туалета. Мы с Наташкой держим одеяло наготове. Слышим, идёт, голубчик.

Ростом он под потолок! Страшно.

Наташка первая рванулась с места, ну, а я – следом за одеялом. Подбросили мы одеяло, а оно свалилось с головы громилы! Он оглянулся, хотел убежать, но тут вся девичья «крать» налетела на него, повалила. Каждая девчонка старалась дотянуться до ненавистного мерзавца и треснуть его побольнее. Потасовка происходила в полном молчании, слышалось только сопение и пыхтение.

Наконец, парню удалось вывернуться из кучи тел, он вскочил на ноги, крикнул:

- Ах, так?! Берегитесь! – и кинулся наутёк.

Нас всех тоже как ветром сдуло! Мигом разбежались по своим комнатам.

Валя Зинёва, проходившая в это время по коридору, услышала, как участники «битвы» возбуждённо, а потому очень громко, обсуждали последнее событие. Она сообразила, что так очень просто вычислить «мстительниц», и начала громко стучать в двери их комнат. Куда постучит, там сразу голоса стихают: девчонки думали, что это уже вернулся с подкреплением избитый паршивец.

На следующий день выяснилось, что попало не только этому паршивцу. Все мы оказались в разной степени покарябаны и в синяках. В темноте-то не видели, кого лупили.

Мы опасались «ответного удара» со стороны лесхозовцев. Но ребята с того факультета оказались порядочными. Увидев своего однокурсника разукрашенным, они выпытали, кто и за что его так отделал, и сами ещё накостыляли ему, чтобы впредь неповадно было девчонкам обижать. Этот гад много дней не появлялся на люди, сидел дома и выводил синяки бодягою.

А я с восхищением думала про Наташку Бондаренко, как она не побоялась первая выскочить из засады. Ведь ещё на чуть-чуть задержись мы со своим одеялом, и провалилась бы вся «операция».

В 1999 году мы с однокурсниками отметили в Питере 30-летие нашего выпуска. После застолья пошли гулять по городу, «мосты разводите».

Дошли до Дворцового моста. На нём уже пере-

крывали движение, скоро разведут. Что погнало нас на мост? Скорее всего, сработал стадный инстинкт: побежали за толпой. Были мы слегка «под градусом», вот и захотели тряхнуть стариной.

Когда я поняла, что дело-то нешуточное – мост всё равно разведут, помчалась изо всех сил! В голове одна мысль: только бы все успели добежать до безопасного места!

Вижу, Дима Симонов, Вовка Бондаренко уже там. Вон и Люся Смирнова, слава богу, рядом с ними оказалась!

Я уже недалеко была, когда мост начали разводить. Напряглась, как могла, и перемахнула на «берег». Облегчённо вздохнула и оглянулась, чтобы посмотреть, как мост поднимается.

И тут увидела Наташу Бондаренко! Она буквально тащила на себе пьяного Герку. Рядом бежал охранник. Только они успели соскочить на какую-то неподвижную площадку сбоку моста, как мост резко повело кверху.

Позднее Наташка рассказала, что охранник (он прогонял людей, чтобы не убились, когда начнут мост разводить) спросил у неё:

- Куда вас гнать? (То есть, вперёд или назад?)

Наташка ответила:

- На ту сторону! (Куда мы побежали.)

Она понимала, что мы хватимся её с Геркой и будем сильно волноваться.

Что с нами случилось?! Побежали «каждый за себя»! И только Наташка не забыла про Герку, помогла ему.

Как здорово, что ты, Наташа, не меняешься! Молодец!!!

Урок географии

Школьницей, на зимних каникулах, возвращалась я из Рыбинска домой, в Череповец. В Ярославле – пересадка; с трудом удалось уехать, и то лишь в переполненном общем вагоне поезда Москва – Котлас. Поэтому, когда в Вологде наш вагон почти опустел, я очень обрадовалась, полезла на верхнюю полку, чтобы хоть немного поспать до Череповца.

Видно, не сильна я была в географии, да и на практике применить её не умела. По моим тогдашним понятиям выходило так: раз летом мы с мамой на поезде Ленинград – Котлас приехали в Череповец, то и этот поезд довезёт меня до родного города.

Велики же были мои удивление и растерянность, когда вдруг выяснилось, что наш состав идёт уже на север, что мне надо было выйти в Вологде и сделать пересадку.

Проводница посоветовала не выходить на ближайшей станции (Сухона), так как там не все поезда останавливаются, а доехать до Харовской и вернуться в Вологду.

Ничего себе, мерси!

Денег у меня хватило на билет от Харовской только до Сухоны. Сердитый дед-проводник слушать ничего не захотел, а прямо заявил:

- Раз билет до Сухоны, в Сухоне и выходи!

Я и вышла. Узнала в кассе, что до Вологды 37 километров. И всего-то! Если «средний пешеход движется со скоростью пять километров в час», значит, я к вечеру этот путь одолею. Подхватила

чемодан и бодро зашагала по шпалам следом за своим поездом. Когда пути расходились, дожидалась следующего состава, чтобы определить, куда идти дальше.

Уже стемнело, когда я углядела церковные купола и поняла, что добралась до Вологды. А рельсы опять разбегаются! К счастью, рядом оказалась будка стрелочника. Я зашла в будку, спрашиваю:

- По каким путям можно до вокзала пойти?

Симпатичная женщина строго заметила:

- По путям ходить нельзя! Садись на автобус и поезжай до вокзала.

Услышав, что я *иду* из Сухоны *по путям*, что у меня нет ни копейки, добрая стрелочница подарила пятак.

На вокзале – снова радость: поезд на Череповец отходит через пять минут, и мой билет годен, даже компостировать не надо!

К ночи, наконец-то, попала домой.

Шли годы. Я не раз приезжала в Вологду. Видела её купола, да все они были *не те*. И только через сорок лет встретила я с *теми* куполами, когда посетила Спасо-Прилуцкий монастырь. Как старых знакомых, узнала и автобусную остановку, и будку стрелочника, и железную дорогу, что идёт мимо монастыря на север.

Где это я?

Как-то в электричке напротив нас оказалась девушка, поразительно похожая на Люду Попову из нашей комнаты. Мне ужасно захотелось сфотографировать эту незнакомку и фотографию показать Люде. Вдруг Людмила «себя» признает?

Наша попутчица задумчиво смотрела в окно и, только когда щёлкнул затвор фотоаппарата, обернулась к нам. Но девчата так шустро загородили собой фотографа, что девушка, похоже, не поняла, что произошло, и вновь погрузилась в свои мысли. Другие пассажиры, соседи «объекта», нас не интересовали, и мы не обращали на них внимания.

В общежитии проявили плёнку, напечатали снимки. Тот кадр отлично получился. Мы намешали самых разных фотокарточек и как бы ненароком положили их поближе к Людмиле, а сами занялись своими делами, держа ушки на макушке. Наконец, Люда заметила беспорядок и принялась машинально перебирать фотографии. Дойдя до *той*, насторожилась:

- Где это я?

Радостно переглянувшись, мы мигом подскочили к подруге, «проявляя интерес». Кто-то даже подсказал:

- По-моему, ты в электричке.

- Куда же я ездила? – недоумевала Люда, продолжая внимательно вглядываться в снимок. – А что это за платок на *мне*?

Её вопросы приводили нас в восторг.

- Да нет, это, наверное, не я, – засомневалась

Люда, – платок не мой.

Только по платку догадалась наша подруга, что это не она на фотографии, и всё удивлялась своему сходству с незнакомкой.

Иностранцы

Как-то раз в Ленинграде ехала я в автобусе. Сидела у окна, а рядом подсел негр. Скоро моя остановка. Как обратиться к соседу, понимает ли он по-русски? Сама-то не сильна в английском; кое-как состряпала фразу и отважилась вымолвить:

- Will you come out?

Речь мою негр не понял. Вытаращил чёрные глаза и выдал сверхрусское:

- Чё?

- Вы выходите?

Сосед замотал головой:

- No! – и пододвинулся, пропуская меня к выходу.

«Среди волн»

Вот повезло: в нашем доме появился календарь с репродукциями картин Айвазовского! Нам очень нравилось разглядывать этот календарь, и разговоры, соответственно, велись о море.

В тот год, в *июне*, мы всей семьёй поехали в Крым. Отдыхали недалеко от Феодосии и, конечно, побывали в доме-музее Айвазовского.

Многие, очень многие картины знаменитого художника увидели впервые. Впечатление сильнейшее! А самой-самой для нас стала картина с названием «Среди волн». Невольно сравнивали её с настоящим морем (оно видно из окна музея). И, представьте себе, море на картине нравилось больше! Мы только очень жалели о том, что дома-то в нашем календаре нет такой репродукции. Нам хотелось оставить «Среди волн» себе на память хотя бы в виде открытки или марки. На худой конец, согласились бы, кажется, даже на спичечную этикетку! Но ничего в продаже не было. Очень обидно.

В Череповец вернулись уже в *июле*. Перелистнули календарь на июльскую сторону и ахнули: там во весь лист была репродукция картины «Среди волн»!

Ну, не чудо ли?

И птицы подпеют

Погожим сентябрьским днём в череповецкой музыкальной школе № 4 проходил концерт из цикла «Беседы у рояля». Выступала пианистка из Вологды Ирина Александровна Богомолова с программой «Париж – музыкальная столица мира». Ирина Александровна рассказывала о композиторах, которых творческая судьба связала с Парижем, играла произведения, написанные ими в этом городе.

Во время исполнения пьесы Жана Филиппа Рамо «Перекликанье птиц» вдруг с улицы в открытые окна ворвалось птичье пение! Это сидевшие на ближайших деревьях птицы подхватили мелодию,

показавшуюся им, наверное, живыми птичьими голосами. Как только фортепианная музыка смолкла, уличные певцы затихли и улетели.

Мне впервые довелось услышать столь необычный, двойной, импровизированный концерт. И так он понравился, что я восприняла его как подарок судьбы. Благодарю за это чудо не только композитора Рамо и пианистку Ирину Богомолу, но и милых птичек, так удачно поучаствовавших в концерте без каких-либо договорённостей и даже репетиций.

Заботливый котёнок

Жила у нас киса Анфиса. За одиннадцать лет родила она 57 детей. Всех котят мы счастливо пристроили в семьи к хорошим людям. А последние двойняшки (№56 и №57) – Белочка и Тamarочка – не успели уйти к людям. Погибла наша Анфисонька, и мы не сумели выбрать, кого из котят оставить себе, а кого отдать. Так в нашем доме остались жить две кошки. На улицу мы их решили не пускать, от котов оберегать...

Но наступила горячая пора, и пришлось нам свозить Белочку к Мурзе Когтяшкину. В итоге в рождественскую ночь у Белочки появилось ни много ни мало – пятеро сыновей!

А что же Тamarочка? Насмотревшись на племянников, она уложила в ряд всех игрушечных мышек и, стоя перед ними, что-то им замурлыкала... Мы решили, что она играет в маму. Но уже через несколько дней вынудила нас Тamarочка доставить к ней на дом разлюбезного Мурзу Когтяшкина.

Мы рассудили, что хоть и хлопотно это, но не страшно, ведь к тому времени, когда родятся Тamarочкины дети, мы всех Белочкиных уже отдадим. Так бы оно, вероятно, и произошло, но...

Самого младшего Белкиного сына, самого маленького (мы так и звали его – Маленький Принц), его будущие хозяева попросили подержать у нас ещё несколько дней – до их семейного праздника, чтобы котёнок стал сюрпризом на этом торжестве. И хотя нам продолжали звонить по объявлению, мы всем отвечали, что котят у нас больше нет. Но «сюрприз»

не удался. В той семье, куда увезли Принца, муж объявил жене ультиматум: «Я или этот кот!». Мы, конечно, попросили вернуть нам котёнка.

Дома наш малыш сразу кинулся к маме Белочке. А мы с тревогой ждали, как Принц отнесётся к своим крошечным двоюродным братьям. (Ну и Когтяшкин, удалец-молодец! Ведь и у Тamarочки одни парни родились – целых четыре!). Мы опасались, что Принц эту малышню замучает или придушит, словно мышей.

А Принц, обнаружив новеньких, начал, что называется, органолептическое обследование оных. Беззастенчиво нападал, хватал за горло, тербил всеми четырьмя лапами так, что эти пушистые комочки перекатывались с боку на бок, но при этом (о чудо!) не пищали. Он облизывал каждого котёнка и даже помогал справиться естественную нужду, как это делает мама-кошка! Умаявшись от своих стараний, Принц укладывался здесь же, прижавшись к малышам. Так они и спали, обогреваемые с одного бока мамой, а с другого – старшим братом.

Тесное общение сблизило всех хвостатых: малыши весело играли с Принцем, а он не стеснялся разделить с ними трапезу, подвалившись под бочок к Тamarочке. Да и Белочка тоже частенько навещала племянников, иногда даже кормила их.

Так и подрастал наш Маленький Принц в большой и дружной кошачьей компании почти до четырёх месяцев. Мы уже боялись, что не сумеем его отдать. Но и для него нашлась хорошая семья, где он живёт в любимчиках.

Угостили

Весна, теплынь, народ по дачам разъезжается. Пора бы и мне прибраться на балконе. Совершенно неожиданно обнаружила там два довольно больших пакета с клюквой, которая начала уже слегка портиться. Странно, откуда у нас столько клюквы, и почему мы о ней не помним? Как бы там ни было, а ягоды надо срочно спасать! Проще всего – поделиться с соседями. Благо, соседи у нас замечательные, всегда выручают в трудных житейских ситуациях. Для подарка, однако, выбрали тот пакет, что поменьше. Мой муж решил сам вручить «презент».

Вернулся Серёженька смущённый: «угостил» соседей их же собственной клюквой! Оказывается, ещё в самом начале зимы попросили они положить ягоды на наш балкон (своего-то у них нет, и в холодильнике места свободного в ту пору не было). Кто из нашей семьи тогда выполнил их просьбу, сказать трудно: все забыли об этом. И вот такой конфуз получился!

Понесли соседям второй пакет, а они не приняли, сказали, что дарят его нам «за амортизацию балкона».

Рассказы про Ферапонтовну

Жених

Работал в нашем «Мыльном пузыре» пенсионер Дмитрий Николаевич, не очень умелый сапожник и такой же любитель поиграть на гармошке. Услышав о моей замечательной соседке, Елизавете Ферапонтовне, пристал ко мне:

- Познакомь с этой женщиной! Ничего для неё не пожалею, и дачу, и все деньги ей отдам, пусть моей хозяйкой будет!

Я рассказала Ферапонтовне про «жениха». Она обрадовалась:

- Люблю, когда на гармошке играют. Понравится, так и в деревню возьму.

В пятницу, после работы, поехали мы с Дмитрием Николаевичем «на свидание». Я предложила зайти в магазин, а то неудобно мужчине являться в гости с пустыми руками. Интересно, что же купит кавалер? Вижу, жмётся: долго думал, выбрал, наконец, самое дешёвое винцо. Советую принести даме конфет. Опять долго выбирал и купил малюсенькую шоколадочку. Ну и скупердай! Хорошо хоть гармошку с собой взял!

Ферапонтовна встретила нас радушно:

- Добро, с гармошкой-то попоём и спляшем!

Тут и Аннушка явилась (старушка, ростиком невеликая, хроменькая и глухая).

Сели за стол. Для начала выпили за знакомство. Ферапонтовна музыки просит. А у Дмитрия Николаевича что-то пальцы совсем не

работают, мучает он гармошку и ничего исполнить не может.

Огорчилась Лизавета:

- Под такую игру у нас не поют, таких гармонистов у нас по деревне палками гоняют. Ну, ладно, посидим без музыки. Расскажи, Дмитрий Николаевич, о себе.

А дедуля словно всё позабыл или застеснялся. Косится на Аннушку, сам всё серьезнее, мрачнее делается. Повернувшись ко мне, спрашивает:

- А она кем Ферাপонтовне приходится?

- Знакомая, – отвечаю.

- А чего она всё время ест?

- Так ведь в гостях человек.

Дед, не сводя с Аннушки глаз, взволнованно вымолвил:

- ...*(матом)*, опять жрёт!

Аннушка не слышит слов, но видит, что мужчина интересуется ею. Радостно улыбаясь, она обращается к Лизавете Ферাপонтовне:

- Чего он сказал?

Ферাপонтовна, наклонившись к Аннушке, кричит ей в самое ухо, объясняя дипломатично:

- Он спрашивает, кем ты мне приходишься! Я ответила, что ты моя подруга!

Аннушка снова принялась за угощение. А Дмитрий Николаевич уже кипит от возмущения, призывает меня в свидетели:

- ...*(матом)*, погляди: жрёт! Сколько можно! Куда в неё лезет!

Аннушка, со своей бесподобной детской улыбкой, спрашивает:

- Чего он опять говорит?

Бедная Лизавета Ферাপонтовна изворачивается, как может:

- Да это он хочет знать, как тебя зовут, сколько лет тебе!

Аннушка успокоена, аппетит не нарушен. Зато дед чуть не плачет:

- ...*(матом)*, она что, сюда жрать пришла, ...*(матом)*?!

Напрасно мы с Лизаветой Ферাপонтовной пытались урезонить Дмитрия Николаевича. Он словно помешался:

- ...*(матом)* не надо нам таких подруг!

Аннушка, то ли наелась, то ли поняла, что представитель гордого мужского племени на неё сердится, слезла со стула и поковыляла в прихожую одеваться:

- До свидания, пойду домой!

Дед сразу успокоился и допил вино, чем явно перегрузил свой хилый организм. Ферапонтовна не решилась выпроводить нетрезвого гостя восвояси, уложила на диван, помогла снять деревянный протез с ноги, даже помыла дедке ноги. Дмитрий Николаевич лежал на чистом белье, слушал песни Ферапонтовны и незаметно заснул.

Утром хозяйка напоила его чаем и проводила за порог:

- Прощай, батюшко. Больше не приходи.

Интервал

Однажды Ферапонтовна заболела. Пришлось вызвать «скорую». Приехавшие медики дверь в квартиру не закрыли, сразу занялись больной. А в раскрытую дверь вошёл нетвёрдой походкой пьяненький Александр Сергеевич. Он как раз возвращался из гостей и встревожился, не случилось ли что с Лизаветой Ферапонтовной.

Доктор со «скорой» взглянул на него и строго спросил:

- Кто такой?!

Александр Сергеевич, слегка покачиваясь и заплетаясь языком, сообщил:

- Сосед, я врач.

- Какой врач? (Конечно, имелась в виду специальность.)

- Плохой, - сокрушённо признался Александр Сергеевич.

- Сиди добро! – вступилась Ферапонтовна. – Не слушайте его. Он у нас врач, и человек очень хороший!

Медики попросили его «закрывать дверь с другой стороны» и снова обратились к Ферапонтовне:

- Вы как лекарства принимаете?

- Ну, как заболит что, съем таблетку, не поможет – возьму другую.

Доктор нетерпеливо перебил:

- Лекарства надо принимать через интервалы.

Однако, присмотревшись к пациентке, спросил задумчиво:

- Вы знаете, что такое интервал?

- Нет, - простодушно ответила Ферапонтовна.

По причине неграмотности учёных слов она не знала и даже расписывалась-то с трудом.

Она внимательно выслушала объяснение врача.

Как-то Ферапонтовна была у нас в гостях. И пришёл Василий Митрофанович – «мэр» (однажды он баллотировался на эту должность, но проиграл на выборах). Василий Митрофанович – большой любитель поговорить о философии и политике. Вот и тут представил, видимо, себя перед аудиторией из трёхсот человек, хотя нас было всего трое. Глаза у него вспыхнули! Заговорил на любимую тему, увлёкся! Начал ходить по комнате от стены до окна и обратно, слова всякие, явно непонятные Ферапонтовне, выкрикивает, ахиною городит. Господи, да когда же это кончится?!

А Ферапонтовна головой вслед за «лектором» вертит, на лице у неё блаженство разлилось – так ей нравится речь Василия Митрофановича. Не в силах сдержать восторга, Елизавета Ферапонтовна воскликнула:

- Вот что значит – учёный человек!..

Деревенские истории

Делай хорошо, а плохо-то само получится

Жил в нашей деревне пастух. И млад, и стар звали его просто Борькой. Но называли так любя: уж больно виртуозно он матерился. При этом он никогда не злился, не сердился, а вроде бы даже наоборот, ласкал объект своего внимания. Ну что можно сказать, например, корове, попытавшейся отбиться от стада? А каждый раз Борька находил для коровушки новые слова и выражения. И вся деревня замирала, с восторгом слушая его словесные выкрутасы, звучащие, честное слово, как музыка!

Однажды Борька поехал на свадьбу к сыну. Пастух деревенское стадо подрядили чужого мужика. Он тоже погонял коров нецензурными выражениями, но от его речей душу выворачивало, так они были противны, грязны, омерзительны.

Пастух Борька умел не только загнуть до десятого этажа и выше. Многие помнят его философское замечание, достойное Сократа: «Делай хорошо, а плохо-то само получится».

Баба Лена

В те годы попасть в деревню без своего транспорта было крайне сложно. Автобусов не хватало, билеты не купить!

Однажды летом договорилась со знакомым, что он на своей машине отвезёт меня с детишками к моим родителям в деревню. Поехали вечером. Уже свернули с трассы на просёлочную дорогу, проехали километра два, как неожиданно машина сломалась. Водитель долго возился с мотором, но тот не заводился. От досады шофёр ругался и плевался, однако вынужден был заявить:

- Всё, девоньки, приехали! До ночи здесь проторчу. Добирайтесь сами.

Легко сказать! До ближайшей деревни (Гришкино) ещё около трёх километров, а до нашего Сергеева вообще все семь будут! За такой переход дочкам моим – четырёхлетней Машутке и трёхлетней Леночке – можно смело присваивать звание «Юный турист СССР»!

- Ну что же, юные туристы, в путь!

Пошли. Начало темнеть. Подбадриваю малышей песнями, сказками. Вижу, девчонки утомились, особенно Леночка – живот у неё разболелся. Я пообещала, что как только придём в Гришкино, зайдём в первый же дом, попросим попить и, если хозяйка приветливо обойдётся с нами, попросимся на ночлег.

Вот и первый дом. Хозяйка нелюбезно на нас посмотрела и ковшик с водой не подала, а злобно сунула мне чуть не в зубы. Мы и пить не стали,

поблагодарили и попрощались. Дети мои всё без слов поняли.

Прошли деревню, а я так и не решилась никуда обратиться за помощью: то в окнах света нет, то собаки не подпускают. А Леночка совсем раскисла, да и Машенька очень устала.

Подходим к последнему дому. Эх, была не была! Постучала в окошко.

Выглянула бабуля. Я назвалась, чьи мы, куда нам надо, попросилась переночевать. Бабуля говорит что-то о внуке, из-за которого к ней в дом никого пускать нельзя, и отфутболивает нас к соседям.

Наивные мы с дочками люди: верим, что человек человеку друг, товарищ и брат, запросто рассчитываем на помощь других. А в Гришкине люди живут по другим законам!

Взяла маленьких бедолаг за ручки и повела на дорогу. Вдруг слышу:

- Женщина, женщина, вернитесь! Заходите в дом!

Вошли. Баба Лена (так представилась наша спасительница) встретила нас со слезами на глазах:

- Простите меня, старую, простите, ради Бога! Как увидела в окошко, что женщина с детишками уходит, а детки-то маленькие, да устали так, что еле идут, я даже испугалась! Думаю, да что же я делаю, почему же я их не пустила? Ой, грех-то какой: детей прогнала!

Она хлопотала вокруг нас, угощала, чем могла, заваривала для Леночки чай «от живота», стелила постели, а сама всё время просила прощения за то, что чуть не отправила нас ночью на улицу. Созна-

лась, что про внука выдумала, никого у неё в доме нет.

Утром мы встали бодрые и здоровые, поблагодарили бабушку Лену за приют. А она всё продолжала каяться перед нами...

Моя мама была знакома с бабой Леной. И когда им доводилось встречаться, баба Лена каждый раз просила у мамы прощения за то, что не сразу пустила нас на ночлег.

Говорят, что за это мимолётное равнодушие к нам бабушку Лену до конца жизни мучила совесть.

Тыно́вская трагедия

Жуткая история. В деревне Тыно́во на глазах у людей брат убил из ружья сестру. Убивал с передышкой, даже ходил домой заряжать ружьё. И никто не попытался воспрепятствовать преступлению, не вступился за несчастную.

Мне рассказала об этом одна старушка, Анна Ивановна, она была очевидцем этого кошмара.

Как-то отправилась Анна Ивановна в Тыново за хлебом. В сельском магазине перед прилавком собрались в основном бабульки. Стояла в очереди и Нина, весёлая, славная женщина, жившая в соседнем от магазина доме. В этот день она поджидала из города дочь с ребятишками. Мужа своего отправила встречать гостей, а сама решила запастись свежим хлебом, очень уж он нравился внучатам. Вскоре в магазин пришёл брат Нины, как всегда нетрезвый, и нахально полез без очереди за бутылкой бормотухи. Нина возмутилась, принялась стыдить его. Он обозлился и, пригрозив отомстить ей, кинулся домой (жил он почти напротив магазина, метрах в ста, не больше).

А дальше – как в боевике.

Мужик, злой и бледный, мигом вернулся, держа ружьё в руках, и выстрелил в сестру. Нина, раненая, упала. Ещё не осознав случившегося, она пыталась подняться, просила окружающих помочь ей. Но бандит приказал людям не двигаться, заявил, что выстрелит в любого, кто шевельнётся. И женщины испугались. От страха они не понимали, что их много, а этот мерзавец – один; позабыли, что

в соседнем доме есть телефон, что в деревне полно народа – только позови! Они замерли и молчали даже тогда, когда этот гад вышел из магазина, чтобы дома перезарядить ружьё. Не шелохнувшись смотрели они, как он вернулся и опять выстрелил в истекающую кровью женщину. Она стонала, молила о помощи, но люди рядом с ней словно оцепенели. Этот зверь убил сестру и спокойно вышел из магазина. А люди всё стояли молча и неподвижно. Потом кто-то опомнился, побежал звонить по телефону. Тут уж и другие заохали, запричитали...

Нинины гости подходили к Тынову, когда их обогнала милицейская машина, ехавшая в деревню за преступником...

На вопрос милиционеров, за что он убил свою сестру, пьяница ответил: «А чего она пицала!» (это когда Нина, раненая, стонала от боли).

Я рассказала эту страшную историю своим домашним. Моя маленькая Машутка задала главный для всех нас вопрос:

- А где в это время была наша бабушка Нина?

Ответ на этот вопрос определяет суть человека: как бы повела себя моя мама, окажись она в то время там, в магазине. Мама моей там не было. И нас тоже. Какие мы на самом деле – мы пока не знаем. А вот как живут те, кто там был, кто мог защитить, но струсил? Оправдываются растерянностью? Или не вспоминают вовсе?

Убийца отсидел в тюрьме лет восемь и вернулся в свою деревню. Односельчане с ним разговаривают, общаются. Боятся его или простили и всё забыли?..

Ёлка

Перед каждым отъездом из деревни в город мы с детьми ходили в лес прощаться с деревенской вольной жизнью: украшали самодельными игрушками понравившуюся ёлочку, пели песни, вспоминали смешные истории. Приехав в деревню на другое лето, спешили встретиться с той ёлочкой, посмотреть, что из игрушек уцелело на ней.

А однажды мы увидели в лесу ёлку необыкновенную, сказочно прекрасную и, конечно, сразу её «присвоили». Она стала для нас самой красивой, самой любимой, самой лучшей в лесу! Её мы украшали на память при расставании. К ней первой бежали здороваться следующим летом, удивлялись и радовались тому, что она стала выше и ещё больше похорошела.

Шли годы. Росли дети, росла ёлка.

В один из приездов в деревню мы по традиции отправились в лес на свидание с нашей ёлкой. Но не увидели её. Боясь поверить худшему, решили, что мы перепутали место, не на ту поляну пришли. Но, увы, и поляна, и место были те же, только наша любимица, засохшая, валялась на земле.

Кто-то из местных, сергеевских, срубил её. Не на Новый год. Не на дрова. За красоту.

От горечи нам показалось, что в этой деревне вовсе не осталось добрых людей. И приезжать сюда расхотелось.

Свой Дидро

Летом 2004 года мне посчастливилось погостить во Владивостоке. Заново знакомясь с любимым городом, побывала и в Научном музее Дальневосточного Государственного Университета. Здесь в отделе Редкой книги вдруг увидела знакомое имя: Николай Васильевич Верещагин. Что такое? Наш Николай Верещагин, из Череповца, положивший начало кооперативному движению и развитию молочной промышленности в России, ещё и математик?!

На витрине лежала книга с длинным названием: *«Математические предложения об употреблении алгебры во всех частях прямолинейной геометрии, логарифмах, тригонометрии плоской и сферической»*. 1812 г. Том II.

Рядом находилась табличка, гласившая: *«Опубликовано после смерти Николая Васильевича его братом, Василием Васильевичем (художником), в Санкт-Петербурге в 1819 г.»*

Глаза на лоб! Да ведь «наши» Верещагины ещё и не родились в ту пору! Ладно, дома разберёмся.

Изрядно покопавшись в старинных энциклопедиях, выяснила следующее.

17 декабря 2004 года исполнилось 260 лет со дня рождения известного русского математика (стопроцентного тёзки нашего знаменитого земляка) Николая Васильевича Верещагина. Он родился в 1744 году в *Вологде*. Рано лишился отца – подпоручика в отставке. И мать, не имея средств на

образование для жаждущего знаний сына, *привела* своего одиннадцатилетнего мальчика *пешком из Вологды в Санкт-Петербург* и сумела определить в артиллерийскую школу.

Здесь природные дарования Верещагина были сразу замечены. Он считался лучшим среди воспитанников.

В 1763 году школу преобразовали в Артиллерийский и Инженерный корпус, и Н.В. Верещагина оставили при корпусе преподавать военные науки и математику.

Верещагин основательно занялся естественными науками, философией, историей, но больше всего он любил математику. Знание иностранных языков (французского, немецкого, итальянского,

латинского) позволяло ему постоянно следить за научными достижениями в Европе и знакомить с ними своё отечество. Так, например, *он первый в России начал преподавать аналитическую геометрию.*

На лекции Верещагина в корпус приезжали люди со всего Петербурга. Среди слушателей были М.И. Кутузов, А.А. Аракчеев. Даже императрица Екатерина II однажды пригласила Верещагина в Зимний дворец, чтобы послушать лекцию по механике.

Для воспитанников корпуса, имевших склонность к математике, и для всех любителей этой науки Верещагин *бесплатно* читал лекции у себя дома – факт, говорящий о том, что человек этот, признанный в то время *первым математиком России*, был и педагогом замечательным, подвижни-

ком. Кстати, его ученики С.Е. Гурьев и В.И. Висковатов стали известными математиками.

В 1793 году Н.В. Верещагина пригласили преподавать математические и военные науки великим князьям Александру и Константину Павловичам. (Императрица искала для своих внуков достойных наставников. Знаменитый Дидро предложил свои услуги, но потребовал слишком высокую плату. Тогда Екатерина II сказала: «У меня есть свой Дидро» – и пригласила Верещагина.)

Когда императором стал Павел, многим, к кому благоволила Екатерина, не поздоровилось. Но к учителю своих детей Павел отнёсся с уважением: признавая заслуги Верещагина, наградил его орденом Святой Анны, сказав: «Вот тебе за Александра».

Усиленные занятия наукой подорвали здоровье учёного, и в 1797 году Верещагин в чине генерал-майора артиллерии оставил службу. Остаток жизни он посвятил семейству и составлению трёхтомного учебника *«Математические предложения об употреблении алгебры во всех частях прямолинейной геометрии, логарифмах, тригонометрии плоской и сферической».*

Николай Васильевич Верещагин умер 2 июня 1807 года и похоронен при церкви Казанской Божьей Матери в Тосно, под Петербургом.

При жизни Н.В. Верещагина в столице России было одно научное учреждение – Российская Академия Наук, где работали гениальные Леонард Эйлер и Михаил Ломоносов, а также множество

разных шумахеров. Какие отношения были у Верещагина с Академией Наук?

Екатерина II подарила Верещагину 1000 душ крестьян «в вечное и потомственное владение». Интересно, где находились верещагинские деревни?

И, конечно, вопрос: не родственники ли вологодские и череповецкие Верещагины?

Надеюсь, что музейные работники Череповца или Вологды посчитают нужным и интересным разобраться в этом.

Мой муж – математик. Познакомившись с учебником Верещагина, Серёжечка пришёл в восторг оттого, как написан учебник: так просто, понятно и интересно, что по нему впору и сейчас учиться.

А меня в истории с Верещагиным больше всего восхитила его мама. Решиться отвести сына пешком из Вологды в Питер, лишь бы Коленька учился! А с ней самой-то что дальше было? Вернулась в Вологду или перебивалась в столице без своего угла?

Ещё подумалось о том, что Вологда и Череповец – счастливые города. У каждого есть свой Николай Васильевич Верещагин. И каждый из этих Верещагиных достоин уважения и памяти своих земляков.

Ну, а то, что во Владивостоке всех Верещагиных в кучку свалили, так это – недоразумение, которое легко поправить, стоит только захотеть.

Из дневника
“морской волчицы”

*Если бы мне предложили пойти в кругосветное плавание
и при этом всего-навсего гальюнщиком, я бы без колебаний
согласилась, ведь самое главное – это посмотреть на мир!*

(из письма родителям)

Жить во Владивостоке, а на море только с берега смотреть – незавидная доля. Вот мой товарищ, Мишка Кряков, и удружил: пока я временно была безработной, он договорился в отделе кадров своего пароходства, чтобы меня взяли камбузником на теплоход «Посьет».

Ещё ничего не зная об этом, заглянула в своё бывшее общежитие проведать девчат и неожиданно услышала от них:

- Тебя Кряк на пароход устроил! В рейс уходите через два дня, в Петропавловск-Камчатский.
- Что?! Как же успеть с оформлением, с медкомиссией?

Девчонки мои – медики, взялись помогать. Что называется, из дверей в двери водили меня по всяким кабинетам в поликлинике. Собрали кучу справок о моём прекрасном здоровье, только бак-анализ был ещё не готов, пообещали переслать его в Петропавловск. И проводили меня на 45-й причал.

Но рейс задержали по метеоусловиям, и капитан «Посьета», Епифанцев Алексей Васильевич, отпустил меня домой до утра.

Ночевать пошла к Манжосикам, они живут рядом, на Дунькином пупу.

На другое утро Люда проводила меня, посмотрела на мой пароход.

А к вечеру я опять оказалась у Манжосов:

снова штормовое предупреждение, нас не выпускают в море.

Так повторялось ещё два дня. Каждый раз, уходя на работу, Вова Манжос тепло прощался со мной, а вечером мы со смехом здоровались.

За эти дни я осваивалась с новой должностью и потихонечку знакомилась с командой судна. Командный состав экипажа – люди гражданские, а рядовой – главным образом солдаты из стройбата, но есть и «вольные». Рядовой состав подразделяется на «рогатых» и «маслопупых». Первые – это палубная команда, вторые – мотористы (работают в машинном отделении). Мой шеф – Дмитрий Леонидович Григорьевский, лет пятидесяти, весёлый, внимательный. Он главный кок, «кандей», как здесь выражаются. Его помощница, Ворнова Вера Павловна, в этот рейс не идёт. Так что теоретически меня на это время сразу повысили из камбузника в помкока. А практически работать придётся и камбузником (мыть посуду, убираться на кухне и в столовой, чистить картошку, селёдку), и по возможности помогать в поварских делах.

Наконец, «Посьет» получил от диспетчера порта «добро», то есть нам разрешили отправиться в рейс.

Рейс первый

22 марта 1975г.

ЧП. Щенок Чебурашка упал за борт. Матрос Андрей спускался за собакой, а ребята досками отталкивали судно от причала. Да разве такую махину удержишь досками? Хорошо, что всё обошлось.

В 14 часов «Посъет» вышел из Владивостока в Петропавловск-Камчатский.

Прошли мимо острова Аскольд. Я узнала издали остров Путятина. Увидела «ворота» к Находке.

В Японском море штормило. Укачалась. Вечерний чай обслужил Дмитрий Леонидович.

23марта

Всю ночь сильно качало. Спать было невозможно.

Утром, пока кипятила чай и убирала столовую, несколько раз «побывала в Риге». Спасибо Дмитрию Леонидовичу: увидел, что мне нехорошо, и отправил спать. Сам за меня всю работу сделал.

Так почти весь день: пока сплю, всё нормально, а как встала, чуток поработала – и опять надо скорей на боковую, иначе невозможно! А люди, смотрю, едят и вообще ведут себя как обычно.

К вечеру стало тише. Подходим к Сангарскому проливу. Слева по борту остров Хоккайдо, справа – остров Хонсю. Завтра будем в Тихом океане, пойдём вдоль Курильских островов. Надо же, далёкое становится близким!

Сегодня я уже сама «обслужила» вечерний чай и даже посмотрела фильм «Васёк Трубачёв и его товарищи». Наверное, только такое кино и надо мужикам на ночь показывать. А то они жалуются:

- Насмотришься фильмов про любовь, а потом спать не можешь. Хоть картинки развешивай в каюте и всю ночь свет не выключай!

24марта

Вышли в Тихий океан. Мёртвая зыбь. Ветра почти нет, а океан словно дышит, и наш «Посъет» валяет по-страшному.

Бедный Дмитрий Леонидович весь день управлялся на камбузе и за себя, и за меня. Мне стыдно за свою слабость, но она сильнее меня!

Вспоминаю, как Мишка Кряков разъяснял мне преимущества паровой жизни:

- Есть ты на пароходе не будешь, – он тут же поправился, – в смысле, не будешь тратить деньги на еду.

А я не ем в самом прямом смысле. Даже силой впихнутая в рот еда вылетает вон без задержки! Пытаюсь лёжа читать, это немного отвлекает.

А Дмитрий Леонидович и хлеб испёк, и весь

день шутит! Мне понравилось, как он отвечает поевшим на их «Спасибо!»:

- Расти большой, не будь лапшой!

Ночью, когда качка чуток утихала, я засыпала. Во сне видела маму с папой, наш дом в Череповце, на Дзержинского, 17.

25марта

Проснулась – не качает! Глянула в окно – какая-то земля. Оказывается, это остров Шикотан, бухта Крабовая. Мы здесь спрятались от шторма.

А вот ноги меня не держат. Не смогла ребят чаем напоить, слегла. Опять Дмитрию Леонидовичу досталось работать за меня.

Приходила Людмила Семёновна, дневальная, убеждала в необходимости подняться, поесть квашеной капусты, чаю попить. Потом старпом, Юрий Петрович, заглянул в каюту узнать, жива ли я.

Приплелась в столовую. Смотрю, Чебурашка уплетает капусту – только давай! От капусты и мне полегчало. Да ещё крепкий чай, сухари – вот и сил прибавилось!

Вышла на палубу. Сильный ветер, холодно. Но вокруг очень красиво. Стоило мучиться от качки, чтобы это увидеть. Океан – синий-синий! «Белокрылые чайки», оказывается, бывают и розовыми, и серыми, и голубыми! А остров – угрюмый, даже суровый, но такой манящий; походить бы по этой земле!

Отдыхаем. Народ мечтает отоспаться.

После обеда смотрели «Иные нынче времена». У «кинолебёдчиков» не ладилась дела, а мы, дурни, веселились над тем, как они нам фильм показывали.

В этом рейсе на судне три представительницы слабого пола, так сказать, три дамы:

1. я – «ложкомойка»;
2. Людмила Семёновна – молчаливая женщина (мне сказали, что она недавно похоронила дочь);
3. Евдокимова Элеонора Владимировна (Линка), буфетчица – грубая, прямая, говорит в полный голос. С первой встречи она произвела на меня неприятное впечатление: бегают лохматая, грязная, матерится, курит! (Мы с Людой Манжос даже прозвали её Шваброй.) А понаблюдала за ней во время шторма, что ей любая качка нипочём, только больше резвится и грубее шутит, и чувствую, что Линка мне всё больше нравится. Дмитрий Леонидович зовёт её конём и вообразулей, передразнивает её походку во время качки. А Линка, знай, смеётся:

- Для устойчивости так приходится расшарашиваться, что осталось только раком встать!

Океан позеленел. А чайки попрятались. На горизонте кучами собираются тучи. Бывалые люди говорят, что это к непогоде.

Хоть бы подольше здесь постоять, хоть бы мне чуток окрепнуть!

Пока чистила баночную селёдку к вечернему

чаю, народу показали «Ночного мотоциклиста». Зато после чая и мне удалось стать кинозрителем: шёл фильм о Московском Кремле. И было как-то странно – смотрим фильм о Москве, находясь в Тихом океане, у Шикотана!

Перед сном вышла на палубу. Из своей «каюты» выбрался Чебурашка, и мы с ним погуляли на пару. Славный пёс!

Посёлок на острове озарён огнями. А в бухте появился сосед: ещё какое-то судно спряталось от шторма.

От Дмитрия Леонидовича узнала, что мы относимся к военной организации, поэтому нас так и укрывают от штормов. Гражданские-то суда не больно отстаиваются.

Я очень довольна, что нас берегут от лишней качки.

26 марта

Стоим. С утра было ясно. На горизонте проступили острова, словно снежные вулканы. Возможно, это и есть вулканы. Но так всё призрачно! Чуть скрылось солнце, и эти острова превратились в кучу облаков.

С обеда повалил снег, море совсем успокоилось.

Наш сосед подходил к посёлку на острове и ушёл из бухты, а мы всё ждём у моря погоды.

Дмитрий Леонидович замучился хлеб печь: всё подъедают! Кок мечтает о качке, тогда у него меньше работы. (А по мне так уж лучше пусть люди много едят, лишь бы не качало!)

Местная шутка на тему еды. Третий механик, Сопелкин Георгий Александрович (Саньч), очень симпатичный и вежливый, турист в душе, во время качки ничего не ест. А сейчас тихо, и он, естественно, навёрстывает «недоеденное». После обеда пожаловался кому-то на изжогу. А его «успокоили»:

- Ничего, скоро пройдёт! – намекая на то, что скоро опять будет качка, и бедный Саньч опять перестанет есть.

Понемногу привыкаю к своей каюте.

Удивляет обилие ящиков, полок, шкафчиков. Ведь всё это рассчитано на заполнение. Для моих вещей и один шкаф – лишка. Но если серьёзно, наш «Посыет» совершал и кругосветные плавания! Тогда, конечно, багажа много требуется.

Не нравится мне койка. Очень неудобная и неуютная. Самое неприятное, что в ней всё время холодно, даже шуба не спасает.

Да, теперь на каждую вещь смотришь по-иному. Ну, кажется, чем примечательны крючочки для шторы над койкой? Я их в упор не замечала. А в качку как начали крючочки эти с грохотом перекатываться от одного края к другому и обратно! Поневоле выявила «архитектурные излишества». Приспособила их для сушки белья. И ещё «излишества» обнаружились: в самом нижнем ящике

расшумелись от качки какие-то металлические болваночки.

Наблюдаю за людьми. Очень веселят игры Линки и Дмитрия Леонидовича. Как дети, гоняются друг за другом. Но уж если Линка разойдётся, берегись: хватает Дмитрия Леонидовича за что попало! Ох, и конь! Она чем-то сродни Алле Деревянкиной (наша общежитская «мать»).

Обратила внимание на Васю Шацких (почему-то ему дано прозвище «Золотое копытце»).

Наливает себе в тарелку гороховый суп и громко восхищается:

- Брюхо – во, и в штанах тепло!..

Вечером двинулись в путь. Что же «там, за горизонтом?»...

27 марта

Раскачало нас хорошо. Ни селёдка, ни крепкий чай не спасают: слегла. Старпом принёс аэрон, шутит, что будет мне обед подавать в постель. А сам, наверное, в душе клянёт меня за слабость.

Но я всё же поднялась. И весь день выдержала. Правда, тихий час у меня растянулся с часу до пяти! И откуда сна взялось? Наверное, от качки.

Вечером посмотрели «Ивана Макаровича», фильм о белорусском мальчишке, которого война в двенадцать лет сделала взрослым, настоящим Иваном Макаровичем. Мне порой до слёз было жаль этого мальчишечку, но приходилось сдерживаться, ведь вокруг мужики – народ крепкий.

А потом даже отважилась в душ сходить. Да разве в качку вымоешься чередом?! Не столько моешься, сколько за переборки хватаешься, чтобы не навернуться. Да и струя всё время норовит куда-то в сторону поливать!

28 марта

Штормит ужасно. Почти не в состоянии работать.

С чьих-то слов узнаю новости: что-то оторвало на каком-то баке; у машин, что привязаны на носу, прогнуло капот; у вездеходов повывлетали стёкла и прорвало брезент; японское судно, несмотря на наши сигналы, проскочило слишком близко, чуть не налетело на нас.

А вот это я сама видела: встречный пароход дыбом на корму вставал, потом носом зарывался в волны так, что совсем пропадал из вида. Жуткое зрелище! А ведь и «Посьет» точно так же кидает на волнах!

Любопытно: прошли мимо проливов Рикорда и Головнина, а я сейчас как раз читаю книгу об этих мореплавателях. Интересно, что книгу у Манжосиков выбрала совершенно случайно: приглянулась она тем, что была без корочек, сильно потрёпанная; такую, подумалось, и жалеть не станут, если она вместе со мной потонет.

По радио объявили:

- Внимание! В связи с крутым поворотом судна усиливается качка. Просим всех срочно убрать со столов то, что плохо лежит.

Очевидно, уходим в укрытие. Слава богу! Хотя, с другой стороны, до Петропавловска оставалось ходу не более суток. Нет, лучше отстояться.

29 марта

Стоим у мыса Васильева, остров Парамушир. Качает, но терпимо.

Остров примечателен высоченными сопками, белые пики которых выглядывают из-за туч. В бинокль видно селение: несколько домов, до крыш засыпанных снегом.

Говорят, что люди на Парамушире обслуживают маяк, да ещё работают на маленьком рыбокомбинате.

Наверное, скучновато жить здесь.

Подплывали к судну пять сивучей (*ушастые тюлени*). Ребята бросали им хлеб, но сивучи угощение не оценили, ждали, наверное, рыбку.

Лепили вареники.

Вечером смотрели «Музыкальную историю» и «Джамилю». А тем временем двинули в Петропавловск. Если всё нормально будет, то к завтрашней ночи доберёмся.

30 марта

Солнечно. Океан поуспокоился, повеселел, из чёрно-серого превратился в голубой.

Слева по борту появились горы, в снегу и будто нарисованные. Так вот она какая, заветная Камчатка!

Попадают дрейфующие ледяные поля и отдельные льдины. Некоторые очень причудливые: то похожи на столпившихся людей, то на огромную рыбину, всплеснувшую хвостом, а то на корабль капитана Немо.

«Посьет» осторожно пробирался через эту коварную красоту.

Узнала, что существует судовое время. Сегодня часы на судне трижды переводили на 20 минут вперёд.

Во время вечернего чая пришли в Петропавловск и встали на рейде.

Город широко раскинулся на сопках. Очень любопытно посмотреть на него днём. А пока что он весь в огнях. Огни отражаются в спокойной воде Авачинской бухты. И в небе огни – впервые за время рейса появились яркие звёзды. Как-то непривычно расположена Большая медведица. Или мне это показалось?

А по радио объявили о том, что за ночь судовое время изменится ещё на час.

Итак, мы живём по петропавловскому времени.

Работает телевизор! Смотрим «Время». В Москве – день, 13-00. А здесь уже десять вечера.

Я не воспринимаю Петропавловск реально, всё ещё вижу его точкой на карте.

31 марта

С утра жила ожиданием возможности ступить на камчатскую землю. Ждать пришлось долго: нас поставили к причалу только после обеда.

А пока что всё свободное время проводила на палубе, пялилась на Камчатку и не верила своим глазам. Авачинская бухта – словно гигантская чаша; в неё сравнительно узкий проход из океана. «Трёх братьев» не видно. Петропавловск находится у подножия двух вулканов. *(В столовой висит большая карта мира. На карте есть пометка о высоте этих вулканов: Авачинский – 2.741 м, Корякский – 3.456 м).* Город словно скатывается с кручи сопки прямо к бухте. Дома – как яркие кубики, синие, красные, жёлтые.

Когда сошла, наконец, на берег, первое, что поразило – не могу твёрдо шагать. Кажется, будто земля качается.

Люди на Камчатке не такие, как во Владике. Лица у них – с намёком на узкоглазие, сквозит в них какое-то благодушие, спокойствие.

Несмотря на то, что уже сильно чувствуется весна, на очень многих прохожих меховая одежда, в основном всякие штуки из оленя.

На улицах нет суеты, которая обычно раздражает в городах.

По пути мне попало семь памятников!

Билет в автобусе стоит восемь копеек.

Морской вокзал некрасивый. А хочется, чтобы от него романтикой веяло!

Было уже семь часов вечера, а на улице Ленина проходило под музыку какое-то шествие, словно демонстрация.

Я настолько обалдела от впечатлений, что, наткнувшись в городе на Сашу Гриневича, вежливо поздоровалась с ним (хотя сегодня уже три раза Сашу кормила).

ГУМ работает аж до девяти часов вечера.

Надо же, наткнулась на Вилию-авто, очень хороший фотоаппарат («увидел - сфотографировал»), давно о таком мечтала.

- Сколько стоит?

- Сорок рублей.

А у меня как раз сорок рублей.

- Беру!

А глаза разбегаются от камчатских сувениров!

Неожиданно заметила в магазине нашего Чебурашку. Не все на судне любили щенка и вот, видимо, решили от него избавиться. Или здесь наши ребята ходят? Нет, знакомых не видно. Окликнула Чебурашку. Он, бедный, бегаёт за каждым, хвостом виляет, а глазёнки такие грустные и недоумённые, словно спрашивают:

- Где же вы, ребята?

В отделе готовой одежды Чебурашка, такой маленький, несмышлёный, написал на пол.

Жалко псёнка, а на судно вести нельзя, ещё утопят недруги, пожалуй. Что же делать? Попробую пристроить ребёнка. Взяла щенка на руки и вышла на улицу.

В надежде, что у камчадалов не только лица добрые, но и сердца отзывчивые, начала предлагать Чебурашку проходим.

Вскоре на нас обратили внимание два подростка. Они заверили меня, что родители не будут возражать против появления собаки в доме, и, поблагодарив за щенка, бережно взяли его с моих рук.

Прости меня, Чебурашечка!..

1 апреля

С нетерпением ждала, когда смогу отправиться в город. Но сначала надо было выполнить просьбу Дмитрия Леонидовича – купить большую банку томатной пасты. Заодно поинтересовалась, какие продукты в магазине. Богато! Мясо всякое, в разных видах; колбасы копчёные, яблоки, апельсины, рыба, молоко. Правда, несколько дороже, чем во Владивостоке, но это уже мелочи жизни.

До центральной проходной шла через порт. Без

привычки здесь даже страшно: всюду краны работают, разная техника; так и кажется, что сейчас тебя чем-нибудь прихлопнет. А тут ещё земля под ногами качается!..

Ой, сколько снега на улицах! Это что же зимой-то творилось, если даже сейчас, несмотря на весеннее тепло и усиленную вывозку снега машинами, ещё сплошь и рядом сугробы метра в два, а то и повыше! Памятники завалены снегом так, что и не прочесть, кому они поставлены. Зато около Ленина – голый асфальт и букеты цветов.

В «Дарах природы» - красивая картошка. Неужели она – экзотика для Камчатки?

В «Детском мире» дитё одно, едва научившееся ходить, узрело большого пластмассового льва и настойчиво требовало у мамы:

- Ав! Ав!

Мать предлагала выбрать игрушку поменьше (некуда класть дома!), но дитё кричало всё громче и тыкало крохотным пальчиком в сторону льва, маскировавшегося среди других игрушек.

Надо же, маленький, а с характером!

Любопытная картинка: около одного дома сидел огромный лохматый пёс с очень доброй мордой; к ошейнику пристёгнута здоровенная цепь, другой конец её намотан прямо на ручку входной двери. Надёжный замок!

Зашла в Дом Союзов, но бюро экскурсий теперь не здесь, а на Партизанской, 15.

Вдали заметила канатную дорогу. Надо бы посмотреть её поближе.

На главпочтамте получила письмо с ответом бак-анализа: нет у меня никаких палочек. Ну и замечательно!

Разговаривала по телефону с Нинухой Рачковской. Ба! Она со вчерашнего дня тётка! Заимела племянницу, Наталью Анатольевну Рачковскую.

2 апреля

Камчатские планы у меня солидные: хочется побольше узнать и увидеть. А вдруг нас разгрузят быстренько и, не дай бог, прогонят от причала?

Дмитрий Леонидович подгонял меня в обед, чтобы скорее шла на берег.

Спускаюсь по трапу и слышу вдогонку:

- Если кому-нибудь отдашься, убью! – это пошутил подвыпивший Анатолий Андреевич Быков, «рогатый».

Сегодня была на Никольской сопке (в Петропавловске её прозвали «Сопкой любви», так как здесь «зона тихого отдыха»). Отсюда замечательный вид на Авачинский и Корякский вулканы. И Авачинская бухта отсюда здорово смотрится. А какие здесь необыкновенные берёзы!

Они невысокие (если не сказать – низкие, даже стелющиеся) и очень кривые. Наверное, в этом повинны ветра и обильные снега.

Смешно: встретился очень деловой пёс с большущим куском мяса в зубах. На бегу задрал ногу на столб, а мясо не выпускает; «расписался» и дальше побежал.

Побывала в краеведческом музее. В бюро экскурсий мне сказали, что этот музей находится около центральной площади (где театр), а точнее – на Набережной, 20. Объяснили, что узнать его просто: рядом с музеем стоят пушки и колокола, а на окнах нарисованы парусники. Возможно, летом так оно и бывает, но сейчас-то всё прикрыто высоченными сугробами!

Смотрю, перед входом два трактора разгребают снег. Как ни осторожничали водители, всё же гусеницами тракторов прошлись по пушкам.

Из служебного входа, уже освобождённого от снега, выглянул молодой сотрудник и пригласил меня в музей. Я заметила, что у этого весёлого человека на все случаи жизни один ответ: «Такова жизнь!».

С опаской подошла к кассе, так как в моём кошельке лежали последние 20 копеек. А вдруг билет дороже? О, даже пятак остался! Значит, смогу позвонить в отдел перевозок (2-44-07), выяснить, можно ли на вертолёте добраться до Паратунки.

Оказывается, Петропавловск существует с

1740 г., а городом его признали в 1922 г.

Чувствую, что «Посыет» становится мне домом. Возвращаясь из города и ещё издали ищешь глазами свой пароход. Увидишь его огни, и теплеет на душе.

В порту за грузчиками бежала собачонка, очень похожая на Чебурашку. Я – за ней! Позвала, та оглянулась.

- Чебурашка?! Сбежал от ребят? Да как же ты, бедолага, порт нашёл? Ну, раз ты такой молодец, пойдём скорее на «Посыет». Будь, что будет!

Как же обрадовался Ваня Гололобов, «шеф» Чебурашки, этой неожиданной встрече со своим любимцем!

Теперь пусть команда решает, что делать с собакой, а если не хотят держать пса на пароход, пусть пристраивают в добрую семью на берегу.

Вечером смотрели «Начальника Чукотки». Чудесный фильм, с тонким юмором.

3 апреля

На главпочтамте получила извещение о телеграфном переводе. Обращаюсь в окошко, где деньги выдают, а оператор строго, как учительница, спрашивает:

- Откуда ждёте перевод?

- Из Владивостока.

- От кого?

- Ну, от кого-то из девчат, а точно сказать

затрудняюсь.

Женщина подсказывает:

- На букву «эр».

- От Рачковской!

- Правильно.

И мне вручают драгоценную десятку.

Нинуля, милая, как я тебе благодарна!

Теперь и Паратунка становится реальной, да и границы осмотра города значительно расширяются с помощью автобусов.

Но с чего начать?

Поехала в аэропорт, Алахтынский что ли? (На автобусе № 20, до конца.) Там узнала, что билет на вертолёт до Паратунки пока свободно можно купить за три рубля. Лететь 20 минут.

Затем отправилась на автостанцию (на автобусе № 4). Здесь узнала, что автобусы до Паратунки ходят в 8-10, 9-50 и т.д. Билет, в зависимости от автобуса, стоит 1р.08 к. и 1р.44 к. Ехать полтора часа. Прекрасно!

Зашла в музей боевой славы (это рядом с Домом офицеров флота). Но там как раз ожидали подводников, поэтому мне разрешили зайти только на 15 минут.

Больше всего меня заинтересовала история подводной лодки Л-16, памятник которой установлен во дворе музея. На памятнике написаны слова: «Подвига их не забудем, гибели их не простим!»

Научная сотрудница вкратце поведала о том, что в 1942 г. на помощь Северному флоту вышел караван подводных лодок из Владивостока и

Петропавловска. В условиях войны караван мог пройти только Тихим океаном, через Панамский канал, в Атлантику. Америка, наш союзник, должна была обеспечить безопасность перехода у своих берегов. По союзному договору наши подводные лодки должны были идти в надводном положении, с поднятыми флагами, не имели права во время перехода вступать в военные действия.

Недалеко от Сан-Франциско лодку Л-16 подбили. Л-16 и экипаж погибли. С лодки Л-15 успели заметить перископ вражеской подлодки – он был похож на те, что устанавливались на американских подводных лодках.

Существуют две версии: либо это была американская подлодка, либо японская. Если напали японцы, значит, Америка не обеспечила безопасность перехода. Ну, а если это была американская подлодка?.. В любом случае – Америка нарушила союзный договор.

Вечером за Чебурашкой пришёл симпатичный дядечка.

Грустно было расставаться с милым щенком. На прощанье пожелали ему расти большим и стать выдающейся собакой (недаром ведь он уцелел один в чужом городе, сам пришёл в порт, искал свой пароход!).

Завтра утром нас прогонят с причала. Ёлкин Тузик!..

Дмитрий Леонидович успокоил:

- Чеши с утра пораньше на Паратунку. А потом с плавбазы на катере тебя отвезут на «Посьет».

- Ну, спасибо огромное, что отпускаете!

И до двух часов ночи трудилась на камбузе, чтобы облегчить жизнь своему сознательному шефу.

А потом ещё и в душ пошла. Вот тут конфуз приключился. Слышу, вроде вода льётся, но на ручке двери написано «Свободно». Приоткрыла дверь, а в душе Саньч! От смущения мы поздоровались.

4 апреля

Разбудил сигнал тревоги. Я мигом соскочила с постели. Впопыхах оделась, не умылась, не причесалась, сбежала с судна. А оказалось, что нас в шесть утра решили перешвартовать (кстати, уже на третье место).

И пришлось мне целый час ждать автобус № 4. Продрогла! Хорошо, хоть дядёк один (тоже ждал автобус) разговорился. Вот счастливец: в сорок лет имеет троих внуков и сегодня ждёт четвёртого.

Очень красивый въезд в Петропавловск: на двух колоннах парусники – символы кораблей «Святой Пётр» и «Святой Павел» (на этих кораблях в 1740 году приплыли под командованием Витуса Беринга основатели города).

Но я поздно это увидела, уже из окна автобуса, когда поехали на Паратунку. А ведь полчаса присидела на автостанции! Спокойно бы успела сходить сфотографировать.

А какие величественные вулканы в лучах восходящего солнца!

Подумать только: здесь солнце всходит, а в

Череповце ещё ночь не наступила!

Проезжали мимо аэропорта (в Елизово). Впечатление такое, что он расположен у подножья вулканов. Прилетают «с материка» люди и сразу попадают в «край чудес и романтики», как выражаются журналисты.

Разглядывала Камчатку в автобусное окошко и незаметно уснула.

Паратунка появилась совсем неожиданно: сначала показались теплицы (я подумала, что вот ещё место, где бьют горячие ключи, а, оказалось, это и есть Паратунка).

Солнце светит, музыка играет. Над бассейном пар, из-за него почти не видно купающихся.

Раздеваться холодно, а в воду лезть ещё страшнее, кажется, совсем замерзнешь. Но уж больно любопытно! Потрогала рукой водичку – тёплая, градусов сорок будет! Загадала желание – и по лесенке спустилась в бассейн. Хорошо-то как! Хочешь – плавай, хочешь – лежи. Полезнее, говорят, лежать неподвижно: лучше вбираешь в себя минеральные соли. На вкус вода неприятная. Но бултыхаться в ней здорово! Глаза в воде откроешь – всё зелёное. Там, где из-под земли бьёт горячий ключ, очень жарко.

Счастливы те, кто может здесь купаться хоть каждый день.

А вечером с помощью второго штурмана, Свинарёва Юрия Алексеевича (почти Гагарин!), проявила первую плёнку. Как жаль, что сивучей на

ней не оказалось: плёнка-то давно уже кончилась, когда мы их фотографировали.

Во время вечернего чая ушли на рейд.

После разгрузки судно высоко поднялось и стало неустойчивым. А в океане штормит. Как-то дойдём до Владивостока?

Последнюю ночь посплю спокойно. Завтра, если погода не подведёт, двинемся в путь.

5 апреля

Погода чудная, но в море нас не выпускают. Говорят, что «добро» дано на восьмое число.

Пользуясь стоянкой на рейде, провели учебную пожарную тревогу и занимались разными полезными делами, например, красили борта судна.

Даже мне доверили поработать малярной кистью. Надо же, впервые в жизни я красила корабль!

Потом ловили крабов, слушали концерты по радио, по телевизору.

Дмитрий Леонидович порадовал нас блинами:

- В честь субботы!

Удивительный человек Дмитрий Леонидович! Добрый, справедливый, спокойный. И рассказчик изумительный! Столько в нём подсознательного юмора, столько выразительности в речи, столько задора в глазах, что я, слушая его воспоминания о прожитом, невольно подсакиваю от восторга, топаю ногами и хохочу до слёз. Это артист, честное слово!

Зато Юрий Алексеевич говорит скороговоркой и не всегда внятно, отчего я часто попадаю впросак. Но всё же узнала от него, что по краям рубки стоят пеленгаторы, а секстантом меряют углы; плашкоут – баржа, на которую выгружают груз с судна; бак – нос, ют – корма; на берегу то, за что цепляют канат, (*металлическая парная тумба*) – «пушка», а на судне то же самое – кнехт.

6-7 апреля

Стоим на рейде.

Вчера, в честь дня геологов, мы угостили команду котлетами, а старпом провёл учебную тревогу «Человек за бортом». Я завидовала ребятам: их всему учат, всё позволяют, а мне приказ – во время учения из камбуза не высовываться.

Сижу дома, не гуляю, так как на улице шторм: снег с дождём, ветер 21 метр в секунду. Занимаюсь хозяйственными делами.

Местный юмор. К вечернему чаю нет ни масла, ни сахара (не положено!), зато подаётся селёдка. И Андрей Феликс, выдающий продукты, каждый раз, спускаясь в кладовую за селёдкой, дразнит:

- Ну, какую колбаску сегодня достать?

Сейчас по телевизору показывают хоккейные игры

Четвёртый механик, Владимир Евтеевич Бородин (Евтей), шутливо заявляет:

- Нам нельзя уходить с рейда, пока игры не закончатся!

В море-то телевизор не работает!

8-9 апреля

Вчера допоздна занималась фотографиями, а сегодня половину порвала – показались не достаточно качественными. (Возможности-то мои ограничены: мало фотобумаги и реактивов). Поручила своему «ассистенту» Юре Бессарабову раздать уцелевшие фотографии ребятам. А Юра ни с кем не поделился! Ребята обиделись на меня. Они не умеют прилично печатать, видят, что у меня это получается гораздо лучше, чем у них, и согласны получить от меня все фотографии подряд, даже те, что я забраковала. Ну что вы, мальчики, «фирма веников не вяжет!».

Немножко о Юре Бессарабове. Небольшой, заикается. Любит он обращаться к ребятам по фамилии. И вот уж не пойму – по причине ли заикания или нарочно, чтобы подразнить, – часто доводит Серёжу Сукачёва «до белого каления»:

- Сука-сука-сука-сукачѐв!..

Пока Бессараб старается закончить фразу, несчастный Серёга глядит на него, и от каждого «сука...» в глазах Серёжи всё больше злости, но приходится терпеть...

Идёт снег, и в бухте укрывается от непогоды всё больше и больше кораблей.

С сегодняшнего дня Дмитрий Леонидович принялся учить меня поварскому ремеслу. Вникаю во всё, а сама сомневаюсь: в коня ли корм?

Не обходится без курьёзов. Перешагивала через котёл с картошкой, и моя тапка свалилась с ноги прямо в картошку. Или вот ещё. За ужином наломала сухарей в рассольник. Ем и думаю, что забыла взять хлеба. Принесла кусок, откусила и только тогда заметила сухари в своей миске.

10 апреля

По утрам, делая привычную зарядку, любуюсь камчатскими видами и сама себе не верю, что вижу это не во сне.

Чайки плавают около судна, как утки. Вот только кричат они жутко, тоску наводят. А хохочут интересно. Среди чаек был глупыш, он крупнее и пёстрый. Говорят, что глупыши плохо ориентируются и часто гибнут, ударяясь о суда.

Стажировка на камбузе. Вроде и не сложно, а боязно. Всѐ-таки 36 человек накормить надо!

Эх, не моя воля! Не согласна я с местными порядками. Линка для комсостава черпает из котлов в первую очередь. Конечно, забирает и погуще, и побольше. А мы раздаѐм ребятам то, что в котлах останется. И приходится на большие тарелки (здесь маленьких тарелок просто нет) раскладывать такие скромные порции, что просто стыдно и обидно.

Как-то спросила у ребят:

- Вам хватает такой порции?

Они улыгнулись:

- Ну, как тебе сказать? С голоду, конечно, не сдохнем, но, извини, на бабу не потянет.

Увидели Петропавловск в сумерки, когда город уже в огнях, а сопки ещё хорошо видны и как бы сами светятся. Ох, и красиво!

Обещают на завтра отход.

12 апреля

День космонавтики. И день приключений.

Утром «пошутили»: сыграли подъём на час раньше, перепутали со сна.

Во время шлюпочной учёбы (на шлюпке, прозванной моряками «разлука ты, разлука») Линка нечаянно вылила помой на голову Саше Гриневичу.

По радио вдруг объявили:

- Желающие могут уволиться на берег на полтора-два часа.

А к «Посъету» в это время уже подваливал катер, на котором везли нашего «папу», Алексея Васильевича. Этот же катер мог бы доставить «уволенных» на берег.

Народ забегал по коридору, узнавая, кто «желающий». Никого! А мне позарез нужны фотоплёнки. Дмитрий Леонидович без колебаний отпустил меня с камбуза:

- Беги скорей, не раздумывай!

Не застегнулась, не зашнуровала обувь, схватила в охапку кошелек и шапку, выскочила на палубу. Вслед мне сыпались наказания: кому рыбки, кому курица, кому фотобумагу и проявитель. На бегу предупредила старпома об увольнении. Пока капитан поднимался на судно, я шнуровала кеды и застёгивалась. А как выглянула за борт, так и обомлела: катерочек далеко внизу, а до него спускаться надо по шторм-трапу! Но деваться некуда, хоть и страшно, спустилась. Чувствовала на себе взгляды ребят, столпившихся у борта, и это придавало уверенности.

Мужички на катере подивились новому своему пассажиру, обстоятельно объяснили мне, как добираться до причала и где диспетчерская.

На рейде мы успели позабыть о таком явлении природы как снег, накопившийся за зиму. А на берегу, смотрю, солдаты расчищают от него крутую лестницу, выводящую из порта в город. Я, конечно, облюбовала этот кратчайший путь и понеслась по чистым ступенькам вприпрыжку! Но вскоре остановилась перед снежной стеной, высотой этак метра два с гаком. Что делать? Неужели спускаться обратно и бежать кругом, через порт? Это же далеко и долго, а времени-то у меня в обрез! Спасибо солдатам: подсадили, а точнее сказать, закинули меня на снежную целину. Кое-как выбралась на дорогу.

Повезло с автобусом, быстро оказалась в

центре.

Искала папиросы «Беломор-канал» фабрики имени Урицкого, но всё попадались производства фабрики «Ява». Дядька какой-то с презрением глянул на меня и зло спросил:

- Что, такие не куришь?

- Не курю! – смеюсь в ответ.

У обелиска напротив ГУМа ребяташек принимали в пионеры. А потом мы с ними оказались в одном автобусе. Я поздравила девчушек, сидевших рядом со мной. Заулыбались радостно. А я вспоминала, как наш класс принимали в пионеры зимой 1955 года, и как, несмотря на мороз, шли мы домой в пальто нараспашку, чтобы галстуки всем было видно!

А потом я влетела в диспетчерскую, просить катер. Диспетчер, Владимир Вячеславович, встретил очень приветливо. Выяснил, что из-за циклонов, идущих к Курилам и Камчатке, нашему «Посъету» не дают «добро». (Интересные позывные: у диспетчера – «Клубника», а у «Посъета» - «Азимут»; а ещё называли кого-то «Калач», «Изба»). Рассказал, что диспетчерская находится на мысе Санникова (уж не того ли Санникова, о котором кино?). Показал сводку погоды, полученную из Японии, объяснил, как её понимать. Такие сводки принимают четыре раза в сутки на специальном приборе, в который закладывают специальную бумагу. (Кстати, в такую бумагу нельзя заворачивать пищевые продукты, так как она ядовитая.) Включил факс и принял какую-то

японскую газету с иероглифами и цифрами. Газету подарил мне. Угостил яблоком «из своего сада». Рассказал, что ждёт судно и будет на нём капитаном, приглашает к себе работать (не знает, какая я «морячка!»). И вообще жалеет, что не может свозить меня сейчас на Паратунку, но надеется, что это когда-нибудь осуществится. В общем – полный «джентльменский набор».

Расстались мы очень тепло.

13 апреля

В три часа дня раздалась команда:

- Боцмана на бак!

И тревожно, и радостно: двинули. Только малость поспешили. Двинули, а якорь левый не успели ещё поднять, проволокли его по дну бухты. Когда вытащили якорь из воды, на нём оказалось ассорти из тросов, причём тросы так намотались, что подцепить их крюком и стащить никак не удавалось. Пришлось остановить судно, выбросить шторм-трап, и Анатолий Андреевич Быков, болтаясь вместе с трапом, распутывал этот «камчатский сувенир». Но досмотреть интересное зрелище мне не пришлось: старпом прогнал меня с бака.

Я приготовила фотоаппарат, чтобы сфотографировать «Трёх братьев», и караулила, когда мы к ним поближе подойдём (а стоят они на выходе из бухты). Вдруг слышу по громкой радиосвязи, то есть на всё судно, Юрий Алексеевич объявляет:

- Зина, убери фотоаппарат!

И тут замечаю справа по борту сторожевое

судно.

Ребята на палубе засмеялись:

- Сказал по секрету!

А когда до этих «Братьев» осталось совсем немного, в моей «Вили» перестал срабатывать затвор! Что делать? Плёнки новые ещё не в кассетах, а то бы срочно старый свой ФЭД зарядила. Попыталась зарядить кассету, да куда там: руки замёрзли, пальцы не слушаются! А время идёт,

«Братья» уже рядом! Ну, вытащила кассету с плёнкой из «Вили» и переставила её в ФЭД, и как раз вовремя выскочила на палубу: поравнялись с «Тремя братьями».

Ночью просыпалась оттого, что совсем не качает. Загнали нас в укрытие? Но моторы гудят; похоже, что идём.

14 апреля

Идём вдоль Курил.

Видели стадо косаток: огромные чёрные хвосты и спины высывались из воды, и волны в брызги разбивались о них, как об утёсы. *(Из справочника: косатка – морское млекопитающее семейства дельфинов. Длина до 10 м, масса до 8 т. Хищник, питается мясом тюленей, моржей, китов.)*

А чайки стаями парили над нами, с криком, хохотом. При этом порой смешно перебирали лапами, совали головы под крылья, словно поправляя что-то; иногда бесцеремонно посылали нам на судно свои птичьи «приветы», от которых трудно отмыться.

Судовое время пошло назад. Живём по сахалинскому времени (разница с московским – на восемь часов). А хорошо, когда тебе дополнительно по 20 минут подкидывают на сон или на другие дела.

Погода холодная, но довольно тихая, качает не слишком. Однако моя утренняя зарядка всё равно получалась двойная: свои упражнения плюс удерживание равновесия в условиях качки.

Ночью вышла на палубу. Темнота кругом – хоть глаз выколи! Но я всё же решилась прогуляться на бак. Жутковато: всё судно во тьме, только светит зелёный огонёк – справа, да красный – слева.

Вспоминаются слова капитана о том, что мы живём на судне. Да, «Посьет» – наш дом. Вроде и не велик. И людей не слишком много. А с некоторыми умудряемся не встречаться по несколько дней!

15 апреля

Два пассажира сегодня были на судне.

Сначала серая чайка на локаторе устроилась. Долго сидела, а потом парила, парила над палубой.

А потом воробей догонял нас, аж шатался в воздухе! Упал на шлюпочную палубу. Я кинулась туда, думаю, подберу. А он уже снова в воздухе, опять шатается, и плюхнулся куда-то на судно. Видно, надоело ему на Курилах, во Владик захотел.

Идём в тумане. Часто раздаются могучие басистые гудки, одновременно загорается лампа на локаторе.

Океан нынче и впрямь тихий. Почти не качает.

Идём хорошо. За первые сутки дошли до Четвёртого Курильского пролива (за островом Парамушир); за вторые сутки – до пролива Головнина, даже до пролива Надежды. Сейчас проходим в районе Шикотана. Делаем по 14 узлов. *(Из справочника: 1 узел соответствует 1 морской миле в час или 1,852 км/час)*

Старпом подсчитал, что при такой погоде мы в пятницу, восемнадцатого, будем во Владивостоке.

Соскучилась по девчонкам, по дому.

16 апреля

Идём вдоль острова Хоккайдо.

Заметно потеплело, тянет позагорать, подольше побыть на палубе.

Присаживались к нам японские птички, похожие на трясогузку, но с ярким опереньем.

Пассажирские катера в Японии все нарядные, пёстрые.

Видели японский паром.

- Прёт узлов по двадцать, – говорили мужички.

В столовой кто-то включил телевизор, пытались посмотреть японскую программу. Сквозь большие помехи увидели кусочек какого-то фильма-сказки, где кресло ходит, а потом превращается в красивого мальчика в очках; показали рекламу каких-то пищевых продуктов, надписи иероглифами. Почти ничего не видно, а всё равно интересно: «контакт» с границей!

В Сангарском проливе, словно на многолюдной улице, толпились японские рыболовные суда, какие-то катера.

По обоим бортам видны россыпи огней – страна Япония. Вот она, рядом и так недоступна!

Владивосток уже не за горами, а всего лишь за одним морем.

Интересное выражение Дмитрия Леонидовича о хулиганах:

- Столько бы силы, сколько зла!

Линка рассказывала о своём сыне Вовочке. С ума сойти, в двадцать один год у него третья жена!

17 апреля

Видела дельфинов! Сначала двоих, потом показался третий, но он скоро отстал, а эти двое неслись в воде наравне с кораблём. Похоже, что дельфины играли с нами в догонялки. Они то выскакивали из воды и пролетали над волнами, то снова погружались в воду. Временами их движения становились согласованными, и это походило на диковинный танец. Красиво, удивительно! Вот где сила, вот где скорость!

Оказывается, спина у дельфинов не чёрная, а коричневатая, а живот, возможно, белый, но от воды казался голубым.

Володя-Валера тихонько засвистел.

Я усомнилась:

- Неужели услышат?

- Они всё слышат, – заверил Володя-Валера.

- А если громко музыку включить, дельфины будут танцевать?

- На ходу трудно танцевать, – охладил меня Володя-Валера.

Испытательный день прошёл нормально. В обед только Ваня плохо ел, а остальные управились без отходов.

Пересекли Японское море, подбираемся к Находке.

Чтобы не приходиться во Владивосток ночью, от Находки пойдём средним ходом. Завтра утром рейс наш завершится.

Народ всю готовится к этому событию: стригутся, моются. И пароход намыли, подкрасили.

К ночи, пока смотрели решающий матч наших хоккеистов с чехами, «Посъет» пришёл во Владивосток и пришвартовался к теплоходу «Поной».

(Наши выиграли со счётом 4:1! В четырнадцатый раз стали чемпионами Европы. Молодцы!)

Какой уж тут сон! Наблюдала, как трап майнали; как срочно ликвидировали потоп на палубе «Поной». Это ж надо так угадать – струя из нашего гальюна угадала прямо на них!

Меня поздравили с благополучным завершением первого рейса.

Рейс второй

3 мая

Первый день второго рейса.

Да, решила! Муки качки забылись. Привыкла к людям, к жизни такой необычной. И вроде бы не нахожу повода для побега с судна.

Сразу после обеда стали отходить. «Унжа» отбежала на середину Золотого Рога, уступая нам путь, а потом заняла наше место у 45-го причала.

Немного про «Унжу».

Само это слово мне очень любо.

Во-первых, потому, что Унжа – железнодорожная станция в Костромской области, рядом с Шарьей, а в Шарье живёт моя любимая институтская подруга Люся Смирнова.

Во-вторых, станция названа в честь Унжи-реки, которая берёт начало в Вологодской области.

В-третьих, на «Унже»-теплоходе много моих друзей.

На «Унже» работает Толик Рачковский – брат Нинухи, моей подруги, соседки по 53-ей комнате в общежитии на Ново-Ивановской. Толик приводил к нам в комнату своих товарищей с парохода, и они постепенно становились нам друзьями, друзьями «Детей-53». Толик, Мишка Кряков, Саня Илюшенко, Толик Раимов, Паша Кобыляков, возвращаясь из рейса, ходили с нами в походы, на концерты, в кино...

Но сейчас никого из ребят на палубе «Унжи» не видно. Возможно, они в увольнении.

Итак, нас на камбузе трое: Дмитрий Леонидович, я и Вера Павловна.

Сегодня у меня новоселье: каюта № 76, «спортивная», как выразился Дмитрий Леонидович, намекая на то, что все девчонки, которые здесь жили, списывались на берег беременными и, естественно, без мужей.

Местный «юмор». Евтей вынес на палубу полный портфель бутылок:

- Понёс сдавать! – и выкинул бутылки за борт.

4 мая

Нас сопровождает огромный военный корабль. Передал, чтобы мы следовали за ним, но ближе, чем на 10 кабельтовых, не подходили. Будет сопровождать нас до места назначения. Видно, груз у нас особо ценный.

(Из справочника: кабельтов равен 0,1 морской мили, т.е. 185,2 м).

А чайки, оказывается, ночуют у берега. И в шторм тоже у берега спасаются. А в море они отлетают всего миль на 80. Так что, если видишь чайку, то берега где-то не очень далеко. А посреди океана, где и островов нет, чаек не увидишь. Эту истину мне Евтей открыл.

5 мая

Ночью прошли Сангарский пролив.

В море встречались только японские суда, а живности не видно. Наверное, это потому, что штормит.

Военный корабль отстал от нас, но прочь не уходит. «Бульварный пёс», как назвал его Дмитрий Леонидович, задерживает нас, не позволяет идти полным ходом.

6 мая

Мёртвая зыбь. Ужасно!..

Электрик («светило») Коля Апалихин из Перми начал учить меня игре в шахматы.

7-8 мая

Штормит, снег, холодно, неудобно. Море, то бишь океан, серый, некрасивый.

В ночь на 9 мая пришли в Петропавловск. Успели!

9 мая

День Победы. И какой! На судне, на рейде, на Камчатке!

По радио слушали песню «День победы» в исполнении Льва Лещенко. Ой, какая хорошая песня! Но мне особенно горько было слушать её, ведь я не смогла поздравить маму и папу.

Интересно всё, начиная от праздничного приказа капитана, где, кстати, всем нам объявлена благодарность (мне-то за что?), продолжая праздничным обедом, заканчивая праздничным салютом.

На военном корабле командуют:

- Приготовиться к пятнадцатому салюту! Огонь!

А иногда:

- Марш!

А нам слышится:

- Фарш!

Наши мужички, опережая артиллерию, сами озвучивают салюты:

- Бу-бух!..

Нет, такое нарочно не придумашь. В столовой за ужином Женя Иржанов (Джамиля) заспорил с ребятами и в запале громко «выразился»:

- Да иди ты на ...!

Он не успел закончить фразу. Распахнулась дверь, и, как чёрт из табакерки, выскочила из буфетной Линка, лохматая, пьяная:

- Меня кто звал?!!

20 мая

Не хватает времени для дневника. А событий было немало.

Ходила смотреть новый памятник – торпедный катер на постаменте. Даже удалось влезть на катер и походить по нему, потрогать всё, что можно. Пред-

ставила, как катер несётся со скоростью 110 километров в час, какую на ходу водяную стену поднимает! Сам-то невелик, а какой мощный!

Есть ещё новый памятник: танк Т-34 – тоже на постаменте.

И катер, и танк участвовали в боях против японцев на Курилах.

Проехала в ещё необследованную мною часть города. Как же это далеко! Там целый новый город! Там даже памятник Ленину есть, второй в Петропавловске.

Побывала на Сигнальном мысу. Теперь имею сувениры оттуда: на берёзе нашла двойную маску из пенопласта (с одной стороны женское лицо, а с другой – мужское); на берегу Авачи подобрала несколько камушков.

Вася, Слава, Олег и я «покоряли» Никольскую сопку. У подножья её обнаружили небольшую красивую пещеру, превращённую, к сожалению, в общественный туалет.

А когда возвращались с прогулки, заметили, что на канаты, которыми суда к причалу крепятся, надеты металлические щиты. Оказывается, это делается для того, чтобы крысы не перебрались с берега по канатам на судно. На многих щитах даже нарисованы кошачьи морды!

18-го ночью двинулись на заправку в Южную бухту, к танкеру «Серго».

Утром Олег Астафьев (Дылда) предложил прогуляться на берегу, посмотреть, что там за памятник виднеется. Дмитрий Леонидович отпустил меня.

Оказалось, что памятник этот Ильичёву, повторившему подвиг Матросова.

Полазали мы с Олегом по сопке, среди корявых берёзок, одолевали крутые, скользкие подъёмы и спуски. Где-то уже по траве ходили, а где-то ещё снегу было полно. Собирали подснежники, искали черемшу, любовались «Тремя братьями», вулканами, Авачей, Тихим океаном. Всё было прекрасно.

А в это время, оказывается, на «Посьете» меня с нетерпением ждали старпом и капитан. Они решили, что я – шпионка, фотографирую военные объекты.

Как только мы вернулись с прогулки, капитан отобрал у меня фотоаппарат, а старпом грубо обыскал мою каюту, зло твердя:

- Сейчас узнаю, где ты прячешь!

- Что прячу-то?

- Не твоё дело!

Вот дураки сверхбдительные!..

В порту несколько раз проходила мимо «Советского Союза». Попыталась охватить его взглядом – закружилась голова. 325 шагов в длину, 7 этажей иллюминаторов – «технические данные». Помимо пассажиров, это судно перевозит много грузов (чтобы оправдать рейсы).

А потом наблюдала, как эта махина отходила

от причала: плавно, величественно. И как же контрастно со стороны выглядели пассажиры: они сустились, бегали по палубам и трапам!

А вскоре на это место у причала встала «Русь», тоже красавица, размером поменьше: 280 шагов в длину, 5 этажей иллюминаторов.

Учусь печь хлеб и показывать фильмы.

19-го утром двинулись во Владивосток. Выполняя приказ сверху, шли малым ходом.

И только сегодня в девять утра перешли на полный ход.

Идём Охотским морем.

Видели с Верой Павловной стадо косаток: по волнам быстро пронеслись большие острые плавники, похожие на чёрные паруса.

Как-то утром мы с Верой Павловной лихо напоили команду чаем. Накрыли на столы в столовой и сами тоже принялись за чай, у себя на камбузе. Пьём, смакуем и как-то не обращаем внимания на тишину в столовой и на то, что необычно долго никто не приносит оттуда кружки. Вера Павловна пошла мыть свою кружку и видит: ребята сидят за столами, чай не пьют. Бог ты мой, мы же не поставили чайники с кипятком! А ребята словно сговорились, молча ждут, когда до нас это дойдёт! Неловко получилось.

Днём во втором трюме играли в волейбол. Ну, я-то шарахалась от мяча, а ребята порезвились с удовольствием.

Вечером в туалете увидела, что в унитазе вода промывная флуоресцирует. Первой мыслью было: я начала светиться!

Понравилось, как Линка сказала после того, как потеряла часы:

- Надо будет на берегу найти какого-нибудь жениха, как следует его приласкать и сказать, что у меня день рождения.

21 мая

Видели косаток. Даже на расстоянии чувствуется, какие они огромные! Их спинной плавник выглядит зловеще – символ смерти! Не зря косаток прозвали китами-убийцами. А, может быть, и зря. Они ведь живут по своим законам.

Охотское море очень неприветливое. Весь день ужасная бортовая качка.

Утром из-за этой самой качки я так разбежалась по камбузу, что если бы не задержалась, налетев на дверь, то валялась бы в коридоре или в каюте Дмитрия Леонидовича, что как раз напротив этой двери.

Звон, грохот, внезапно появляющиеся лужи на камбузе – это всё качка.

Мне приходится каждый день спускаться по отвесному трапу в кладовую за картошкой. Подниматься, особенно в качку, держа ведро, полное картошки, и хватаясь за перекладины трапа, непросто. Но когда в это время на весь пароход по радио поёт Светлана Рязанова «Белый танец», становится удивительно легко, словно и меня с ведром «в вихре закружит белый танец...».

22 мая

Обычно в шесть часов утра меня будит вахтенный матрос.

Сегодня слышу осторожный стук в дверь каюты. Вроде бы рановато! Открываю. За порогом Женя (Джамиля). Улыбается:

- Извини, Зиночка, ещё нет шести часов, но я решил тебя разбудить. Проходим «Камни опасности». Может, ты хочешь на них посмотреть?

- Спасибо, Женя! Бегу!

За ночь мы прошли пролив Лаперуза. Сейчас, слева по борту, вижу «Камни опасности» и маяк. (Когда-то здесь хозяйничали японцы. Они нарочно перетаскивали маяк. И суда, доверяясь огню маяка, разбивались о камни. Поэтому так и назвали это место – «Камни опасности».)

Справа мыс Крильон – самая южная часть Сахалина.

Тепло, солнечно, море тихое, голубое.

В половине восьмого появились дельфины! С восторгом наблюдала за их стремительным полётом над волнами.

Вера Павловна сегодня здорово разыграла нас. Замешивала квашню в большом котле. Вдруг заволновалась:

- Ой, кольцо с пальца свалилось! В тесте утопила! Поищите, пожалуйста, а то у меня уже руки не чувствуют.

Мы с Дмитрием Леонидовичем по очереди сосредоточенно шарили в квашне, но колечко не находилось.

Вера Павловна позвала на помощь свободных от вахты ребят. Они, один за другим, предварительно тщательно вымыв руки, совали их в тесто и старательно искали злополучное кольцо.

Неожиданно для всех Вера Павловна рассмеялась:

- Ладно, хватит! Хорошо замесили! Я пошутила!

Ну, и ловко же придумала, молодец!

После обеда дважды пролетал совсем низко, совсем близко американский самолёт. Мы даже лётчика разглядели. Что ему здесь надо? Ведь «Посьет» идёт в советских водах! Ах, пардон! Оказывается, в нейтральных. Территориальные воды – всего на три мили от берега. Ну, всё равно незачем над нами летать!

23-24 мая

С утра показалась приморская земля. Как же радостно видеть родные берега!

У нас на судне пассажир – какая-то пёстрая

птица. Вася и Олег (добрые ребята!) подобрали её на палубе, отогрели в каюте. Народ очень интересовался птицей, а днём все смотрели, как её выпустили.

Подшли к Славянке. И началась рыбалка!.. Сообща наловили столько, что на ужин для всех была жареная рыба.

До чего же интересно общаться с мужиками! Всё-то они умеют, всё-то знают.

В восьмом часу вечера подошли к Владивостоку. Он преобразился. Когда мы уходили в рейс, город был серый, а сейчас зеленеет, как летом.

У 45-го причала стояла «Унжа». Смотрю, Кряк по палубе носится. Я обрадовалась: наконец-то поговорим, обо всех расспрошу. Увы, Мишка балдой, разговор не состоялся.

Хорошо, что Коля отвлек шахматами. Ну, и доигралась! Сама удивилась, как это у меня всё так славно на поле образовалось: вот-вот «победю»!

А Коля ещё подначивает:

- Гениально!..

И вдруг обнаружила, что играю не своими фигурами...

Всё! Учить меня бесполезно!

Завтра я работаю одна, так что с судна не уйду.

Рейс третий

28 июня

Итак, мой третий рейс.

Нынче с нами нет Дмитрия Леонидовича. Его, бедного, сбила машина. Лечится дома. Поправляйтесь скорее, милый Дмитрий Леонидович! Без Вас на судне плохо!

С утра всё было как обычно, всё успевали мы с Верой Павловной.

Я сходила на «Унжу», попрощалась с ребятами.

Неожиданно прозвучала странная команда:

- Команде быстренько обедать.

И понеслось! Такой суеты на «Посъете» ещё не бывало. Кто торопится обедать (а вареники, как на зло, не закипают!), кто прощается с уходящей в рейс «Унжей», у кого-то срочные дела на берегу. Все носятся, шумят!

Я тут ещё некстати принялась тесто замешивать. И когда услышала прощальные гудки «Унжи», чуть вместе с квашнёй не выскочила на палубу.

Вера Павловна подаёт мне в окошко миску с варениками:

- «Унже» на дорожку!

А между нашими бортами уже приличное расстояние.

Я швырнула миску на «Унжу», и Толик Рачковский удачно поймал её.

- При встрече вернём с котлетами! – крикнул он.

Со мной рядом стоит Нинуха Рачковская, провожает и «Унжу», и нас. Ей и побыть на «Посъете» хочется, и боится, что трап уберут раньше, чем она успеет сойти на берег.

С мостика «Унжи» Паша смотрит на Нинуху и машет ей рукой. Саня Илюшенко не может даже выйти на палубу – он на вахте в машинном отделении.

И мне пора бежать на камбуз. Вон уже старпом грозно напомнил мне об этом. Впопыхах даже не попрощались с Нинулей, а ведь я ещё и ключи от своей хаты собиралась ей отдать.

В обед трудно было понять, кто ел, кто нет: кому-то бежать на вахту, «палубной команде по местам стоять». Кто что успел перехватить. Потом дообедывать приходили.

Выяснилось, что Линка осталась на берегу. От этой новости очень многие облегчённо вздохнули. А мы с Верой Павловной сразу принялись прикидывать, как же будем управляться вдвоём за четверых.

И вдруг в Босфоре Восточном остановка.

- Что такое?

- Линку везут!

Боже, что тут началось! Все ругаются, клянут капитана, грозятся спихнуть Линку за борт.

Явилась эта бешеная баба пьяная:

- Что, подышали без меня?!

- Да уж, подышали, только мало.

Жаль Колю Апалихина. Списали его с судна в отряд за то, что попал вчера в милицию выпивший, да ещё и в гражданской одежде.

Часов в шесть вечера догнали «Унжу». Мы с Робочкой (так его Нинуха Рачковская зовёт, он раньше с её братом Толиком на одном пароходе работал) в бинокль и пеленгатор разглядывали «Унжу» и тех, кто выходил на палубу или выглядывал из иллюминатора, махали им руками и всей душой хотели быть в этот момент рядом с ними.

29 июня, воскресенье

Шторм. Весь день укачиваемся с Верой Павловной. Но она молодец: всё сготовила. А я нынче ни на что не способна.

Волной захлёстывает иллюминатор, и в каюте в эти мгновения совсем темно становится. Вода просачивается через неплотно закрытый иллюминатор. Попробовала закрутить запоры потуже – сил не хватает.

В дверь постучался Олег. Вошёл, одним движением руки затянул запоры, и сразу перестала вода попадать в каюту.

Когда море поуспокоилось, я попробовала открыть иллюминатор. Ничего не получилось. Позвала из соседней каюты Колю (Тапика). Он долго пытался, даже железюку подсовывал, но отвернуть запор не мог. Наконец, спросил:

- Кто закручивал?

- Олег.

- Ну, так пусть Олег и открывает.

Пришёл Олег, легко прикоснулся к запору и, пожалуйста – иллюминатор открыт! Сила у Дылды богатырская.

30 июня

Как хорошо, когда не качает! Сразу жить хочется.

Говорили, будто мы ещё ночью пройдем пролив Лаперуза. Но в обед, выглянув в иллюминатор, узнала «Камни опасности» и маяк на них. Значит, мы ещё только проходим мимо мыса Крильон, то есть ещё только входим в пролив Лаперуза! Приятно, что я уже кое-что запомнила.

1 июля

Ну, конечно, пока я гляжу на море в надежде, что появится что-то интересное, ничего и никто не показывается. А стоит только отвернуться или заняться чем-то другим, как тут же стаями появляются и дельфины, и косатки!

Правда, мне всё же удалось узреть двух котиков. Они резвились и смешно хлопали ластами, словно в ладушки играли.

Охотское море нынче спокойное (не в пример нынешнему Японскому).

2 июля

Идём на север, а погода улучшается. Тихо, тепло.

Вышли с Верой Павловной обедать на палубу. Красотища кругом! Синий океан, голубое небо. И, конечно, зверский аппетит.

Издали видели дельфинов.

Загорали.

3 июля

Сегодня природа словно извинялась передо мной за то, что во время перехода мне почти ничего не удавалось увидеть. Пожалуйста вам и косатки, и дельфины!

Два дельфина неслись перед носом «Посьета».

Вот уж где удалось их разглядеть. Чёрные спины, белые животы, белые концы плавников и хвостов, носы горбатые, на затылке круглый клапан, который открывается, как только дельфин поднимается к поверхности моря, и из круглого отверстия фонтаном вылетает вода. Тело словно точёное. Сколько силы и изящества в их движениях, сколько слаженности! Говорят, что они движутся со скоростью до 70 километров в час!

Я смотрела, как дельфины перед самым носом корабля ныряют, перелетают от борта к борту, и боялась, что мы их «задавим». А они, похоже, ничуть об этом не беспокоились! Они азартно соревновались с нами в скорости, уверенные в своей

силе и в нашем добром к ним отношении.

В десятом часу утра вошли в Авачинскую губу.

«Три брата» – красавцы! Их бы на цветную плёнку снять.

Петропавловск весь в зелени. И сопки все зелёные. А над ними возвышаются снежные вулканы.

Как только встали на рейд, все кинулись рыбачить, но ничего не ловилось. Тогда «Посьет» срочно превратился в пляж. И под камчатским солнышком можно загореть!

Между делом слушала рассказы Линки о её детстве. Линка – неплохой рассказчик, обходилась бы только без мата.

Сегодня на «Посьете» банный день. И только сегодня я поняла, для чего в каюте над раковиной второй кран – когда из него потекла горячая вода.

Вечер тихий, тёплый. Вечер на рейде...

4 июля

После вечернего чая мы с Робочкой отправились штурмовать Красную сопку. Желающих составить нам компанию было очень много, но присоединиться смог только один Вася Шацких.

Сопка эта высокая, но подъём оказался лёгким, только очень донимали комары.

Растительность на сопке менялась буквально

на глазах. У подножья – обыкновенные деревья, цветов не очень много. Но чем выше мы поднимались, тем деревья становились меньше, зато цветов прибавлялось. И, наконец, наверху нас окружили карликовые берёзки, такие же ольхи и рябинки, которые едва достигали нам до пояса. Кедр, высоченный и могучий в приморской тайге, здесь стелился по земле и походил на кустарник. А цветов – словно в весну попали – всё кругом цветёт!

С Красной сопки хороший вид на Авачинскую губу, мысы, бухты. На освещённой закатным солнцем водной глади суда чертят «дороги». Так и хочется по ним побегать.

Красиво, слов нет! Но невольно сравниваю этот закат с закатами над нашей Шексной; эти далёкие сопки и горы – с нашим матуриным берегом. Ох, как тянет домой!..

Гулять, так гулять! Оставили на «Посьете» цветы и ветки кедра с оранжевыми шишечками и пошли купаться.

Народа на пляже много, но желающих купаться маловато. А вода тёплая, спокойная, да ещё и светится от каждого нашего движения. Хо-ро-шо!

5 июля

С утра пораньше рванули с Робочкой на Паратунку. Нам повезло с погодой (с утра уже солнечно и тепло) и с автобусами (мы приехали на Паратунку ещё до открытия бассейна).

Народу собралось порядочно. Скрашивая ожидание, кто чем занимался. Шумнее всех были студенты из московского лесотехнического института. Они играли в волейбол и бадминтон, а двое исполняли на гитарах красивую грустную мелодию. Я подошла послушать. Так бы и простояла рядом весь день – такая дивная музыка.

А потом в бассейне студенты немало развлекали купающихся своими песнями.

Что такое термальный бассейн летом? На улице сегодня +28С. В надежде освежиться лезешь в бассейн, а там температура воды +41 градус! А кое-где ещё горячее, даже ноги не терпят!

Но мы с Робочкой честно отбыли пять часов, согласно купленным билетам, и за это время изрядно загорели.

Жаль, что вертолёт сегодня на Паратунку не летали. Пришлось нам и обратно ехать на автобусе, и мы всю дорогу спали, хоть и клялись смотреть в окно.

А потом, оттягивая возвращение на «Посъет», бродили по городу, заходили в магазины, хотя денег осталось только на два стакана берёзового сока.

Вечером выслушала от пьяного старпома упрёки за загар, за то, что побывала на Паратунке уже два раза, а он – ещё ни разу, за то, что он, бедный, ещё не успел загореть. Ну и, понятно дело, за то, что Вера Павловна с ног валится от усталости, а я сачкую, да ещё надеюсь получить полтора оклада.

Старпом «забыл» о нашем с Верой Павловной уговоре, что я отпускаю её во Владивостоке на целые дни, а она меня – на Камчатке.

6 июля

Вера Павловна отдыхала, а я работала одна. Благодать: чистота, покой.

А вечером опять же Робочка почти насильно вытащил меня в город.

На сей раз к нам примкнул Бессарабчик (переоделся в гражданское и каким-то чудом совершенно незаметно улизнул с судна).

Мы бродили по Никольской сопке, и я рассказывала ребятам то, что успела прочесть, что запомнила про оборону Петропавловска в 1854 году, про Рикорда, про Головнина. Показала «камчатского короля» и «петлю для неудачника» (я так назвала пень, похожий с одной стороны на голову в короне, а причудливо изогнутая ветка, свесившаяся над обрывом, показалась мне похожей на верёвочную петлю).

На улицах мы разглядывали уцелевшие афиши и вспоминали знакомые спектакли, артистов.

Я благодарна Робочке за то, что не позволил мне просто «полежать и почитать».

Из разговоров выяснилось, что мы с ним чуть ли не родня: он не только «унжевский», но ещё и из Андреева (это посёлок в городе Большой Камень Приморского края), знает мою подругу Люду Стройкину и всю её родню. До чего же свет тесен!..

7 июля

В Петропавловск пришёл «Советский Союз». Робочка раньше ходил на этом судне, пообещал сводить меня туда на экскурсию. Но, по закону

бутерброда, нас отогнали на рейд.

Анатолий Андреевич Быков (Бык) подарил мне чудесный парусник из купрум-никеля. Сказал:

- Подарок этот, главным образом, от Коли Апалихина.

- Ну, спасибо вам обоим!

8 июля

Снова я работала одна. Сегодня надо печь хлеб, и я робко попросила Веру Павловну доверить мне это от начала до конца. Умница Вера Павловна согласилась.

Ох, и покрутилась же я, напереживалась! Но труды мои успешны. На камбузе идеальный порядок, пища, по-моему, вкусная, и хлеб сегодня не так сильно полопался и даже получился с дырочками. Как мечтал Коля Апалихин о таком хлебе! Чтобы хлеб был с дырками, как из магазина...

Старпом хвалил меня весь день. Я снисходительно выслушивала его комплименты, понимала, что он мне «зубы заговаривает».

Мысленно я сама себя похвалила: «Ну, конечно, если я не молодец, то и свинья не красавица!» (Очень нравится мне это выражение Анны Ивановны, мамы Люси Смирновой из Шарьи).

А вечером печатали фотографии. Столько помощников набежало, что пришлось приносить стулья в каюту.

Самым стойким ассистентом оказался сын Анатолия Андреевича Быкова, Олег (Бычок). Он хоть и маленький, а упрямо помогал и помогал, пока

я не отправила его спать в час ночи.

Хорошо печатать с такими помощниками!

Ночью подошли к знакомым «шпионским» местам за топливом. Тот же танкер «Серго», те же военные корабли и подводные лодки. Только на берегу почти не виден из-за зелени памятник Ильичёву. Побродить бы здесь сейчас! Но, во-первых, Олег ногу повредил, и, во-вторых, рано утром мы ушли на рейд.

9 июля

Утром меня не будили, а всё равно не выспалась. И хоть почти не работала, а отдыхать было некогда, даже не погуляла.

С Бычком доделали фотографии. Потом «светило» Валера Лазарев принёс печатать свою фотоплёнку. Один кадр на ней оказался двойной (ребята меня сфотографировали, и на этом же кадре, только вверх ногами, запечатлён сам Валера). Забавная получилась фотография: я лукаво выглядываю из-за книги и ногой упираюсь прямо в кадык Валере, а Валера со спасательным кругом и тоской в глазах путается у меня под ногами. Увидев это безобразие, я весело расхохоталась, а Валера очень обиделся на меня (как будто я нарочно на него «наступила»!).

Стоим на рейде и только ловим быстро сменяющиеся слухи. Собирались куда-то идти за рыбой и везти её в Находку (заскочила бы к Тане Базановой!) – говорят, капитан отказался. Собира-

лись двинуть на Владик в 16 часов – отпало: сломался какой-то прибор, ждём, пока починят. Говорили даже, будто мы месяца три будем курсировать между Находкой и Петропавловском, перевоза рыбу. Чему верить? Стоим, стоим на якоре, не знаем, когда двинемся из Авачи.

10 июля

Сегодня мой черёд работать. Суп с фрикадельками очень порадовал команду. А блины не получились, пришлось варить гречневую кашу.

«Маслопуп» Федя не сдержался:

- Вот дембельнись, и кто меня будет кашей кормить, того бить буду! Мать родная будет кашей кормить – мать родную бить буду!

- Правильно, – засмеялась я, –

Делай, Федька, забастовку:

Бей у матери горшки!

Чтобы кашу не варила,

А пекла бы пирожки!

Федя заулыбался:

- Во, во!..

11 июля

Мой черёд отдыхать. И с погодой повезло: тепло и солнечно. Пока загорала на юте, ребята поймали рыбу-бычка с огромными рогами и даже... с ножками! Мне очень хотелось его засушить на память, но пока я обедала, рыбу-бычка присвоил Бычок-младший, Олежка. Ну что же, «всё лучшее – детям!»

Судовое время приравняли к сахалинскому, и ровно в час дня тронулись во Владивосток.

Фотографировала «Трёх братьев». Интересно, что получится?

Идём малым ходом. Говорят, что-то с локатором. Ощущается крен на левый борт. Ребята говорят, что во втором трюме вода откуда-то появилась. Часов в девять вечера погас свет, и судно

остановилось. На вахте капитан. Переживает, наверное. Но, слава богу, скоро снова стало светло, и мы двинулись в путь.

Из коридора доносился смех: искали, кто же так нагрешил, что даже судно останавливается.

12-14 июля

Идём полным ходом. Море спокойное.

Я генералу – готовлюсь к встрече с Владивостоком. Надеюсь, что придёт Дмитрий Леонидович.

Видела дельфинов. Это всегда неожиданно, удивительно и очень радует!

13-го море походило на оживлённый бульвар: то дельфины, то косатки, но больше всего – котиков. Как ни гляну в окно, обязательно увижу высунутую из воды голову котика!

Мы с Верой Павловной, как две деревенские сударушки, глазели из окна камбуза на всех «прохожих» – нырков, чаек, котиков...

День рыбака. Вспоминаю, как в 1970-м мы с мамой и папой в этот день во Владивостоке попали в музей ТИНРО (обычно закрытый для посетителей), а потом в Спортивной гавани смотрели на рыбацкую выставку, рыбацкие суда, салют в честь рыбаков. Вроде бы так недавно это было, а уже пять лет пролетело!

Радист, Пискунов Владимир Николаевич (Пискун), принёс мне телеграфный ключ с наушниками:

- Вот тебе, Настя, ключи от счастья!

И ещё подарил книгу тренировочных текстов.

- Ура! Теперь я смогу учиться на радиста!

14-го вышли в Японское море. Туман.

По радио передали, что завтра полетят «Союз» и «Аполлон».

До чего же интересно жить!

15 июля

Вокруг туман – настоящее молоко. Идём осторожно.

Везём бесплатного пассажира – чайку. Она кружит вокруг «Посьета» и снова садится на мачту.

В одиннадцатом часу вечера пришли во Владивосток.

Был потом ещё один рейс – в Находку.

В Находке я, конечно, воспользовалась нашим с Верой Павловной «джентльменским» уговором (я отпускаю её во Владивостоке на столько дней, сколько ей надо, но и она разрешает мне отлучаться

с судна в Петропавловске или в Находке, и мы спокойно работаем друг за друга) и покинула судно на два неполных дня, чтобы повидаться с Таней Базановой.

Вернувшись на «Посъет», сразу почувствовала перемену в настроении ребят.

В это трудно поверить, но произошёл «бунт на корабле».

Вера Павловна, оставшись на камбузе без помощника, то есть без меня, нажаловалась старпому, что я бездельничаю, гуляю, а она одна работает за двоих.

Команда об этом узнала и высказала в глаза Вере Павловне всё, что думает по этому поводу. Не только ребята, но и комсостав заступились за меня в моё отсутствие. Им нравится, как я работаю, как отношусь к людям. Они отметили, что при мне на камбузе и в столовой стало намного чище. Ребята припомнили, как Вера Павловна во Владивостоке позволяла себе не являться на судно неделями!

Короче, Веру Павловну довели до слёз...

А во Владивостоке я уже разведала про курсы радиооператоров в Приморском краевом радиоклубе ДОСААФ СССР. Хочу учиться! На камбузе очень

тяжёлая работа. У меня сильно заболели руки. А с морем жаль расставаться. Мечтаю вернуться на «Посъет» радисткой.

В отделе кадров нашего пароходства инспектор Анна Михайловна подала мою трудовую книжку и сказала:

- Желаю успехов в учёбе! И возвращайся. Тебя, Зина, мы всегда с радостью примем на работу.

Только как распрощаться с ребятами? Вряд ли мы ещё когда-нибудь встретимся – ведь пока я выучусь и вернусь на пароход, они уже демобилизуются.

Чтобы, не дай бог, не пустить слезу при расставании, решила сойти на берег не прощаясь ни с кем. Но ребята усекли, что я удираю втихаря, и загородили дорогу:

- Ну, что же ты, Зинуля, делаешь? Мы тебя всё равно проводим!

Подхватили мои вещички и гурьбой повалили на берег...

Милые ребята! Какие вы хорошие! Вы стали для меня братьями. Спасибо вам за помощь и поддержку. Спасибо, что при мне не матерились. Спасибо, что не подвели моё доверие: я никогда не запирала дверь своей каюты – была уверена в том, что без стука и без разрешения никто не войдёт. Даже уходя на берег, я спокойно оставляла дверь незапертой. Правда, бывало, иногда обнаруживала у себя в каюте то букет цветов, то морские звёзды, и

это очень удивляло и радовало. Но ни разу мне не удалось выяснить, кто это приносил. Спасибо за это!

А ещё я никогда не забуду ваше напутствие:

Дорог – дальних,

Костров – горящих,

Друзей – настоящих!

Март – август 1975 года

Владивосток.

Однажды, когда я уже училась на радистку, девчата мои услышали по «Маяку», как кто-то из вас передавал мне привет и песню «Белый танец» в исполнении Светланы Рязановой.

Жаль, что я пропустила ту радиопередачу.

Песню эту люблю до сих пор, как и вас всех, и наш «Посьет».

В 1979 году я по турпутёвке побывала на Камчатке. Когда после похода наша группа вернулась в Петропавловск, нас покатали на теплоходе по Авачинской бухте. Далеко у берега я заметила «Посьет»! Чтобы разглядеть его получше, попросила у рулевого бинокль. Я тогда и подумать не могла, что вижу родной корабль в последний раз.

Много лет спустя, в разговоре с Нинухой Рачковской узнала о печальной судьбе «Посьета».

Капитаном на нём после Алексея Васильевича стал Юрий Петрович, который при мне был старпомом. Судно шло с грузом на Камчатку. Погода была очень плохая. Случилось это под Новый, 1980 год. Видимо, хорошо поддали в честь праздника. И сели на камни. Подали сигнал «SOS». Несколько дней к «Посьету» никто не мог подойти из-за сильного шторма. Потом удалось экипаж эвакуировать. А судно затонуло.

Февраля 2008 года

Череповец